

ВИКТОР
КОРОТКОВ
ВЕЧНЫЙ
КОСТЕР

Избранное

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1984

ЗЕМНАЯ ДУША

Сегодня ни один значительный советский поэт, хоть и живет он тревогами всей нашей великой страны, всего человечества, не может обойтись без родного, вдоль и поперек изученного и освоенного сердцем кусочка земли, с которым связаны самые невыцветающие воспоминания, — без малой родины...

Не потому ли в нашей поэзии шумит семиреченское разнотравье Владимира Цыбина, блещет синяя волна Селигера из стихов Владимира Соколова, живет воронежская земля Анатолия Жигулина, тоскует по западносибирским просторам муза Василия Казанцева...

Поэзия — общее дитя природы, земли и души человеческой. Недаром когда-то Федор Михайлович Достоевский страстно вопрошал сам себя: «Неужели же в самом деле есть какое-то химическое соединение человеческого духа с родной землей, что оторваться от нее ни за что нельзя, и хоть и оторвешься, так все-таки назад свалишься...»

Счастье Виктора Коротаяева в том, что ему не нужно напрягать память и утруждать душу в поисках малой родины — он живет на ней всю свою жизнь. Его «Избранное» — книга, вместившая большое количество жизни не просто во времени, но и по напряжению в поисках правды — личной и общей, по размаху чувства, по накалу мыслей. Через край этой книги переливаются прозрения и заблуждения поэта, его жизнелюбие и его раскаяние, его спор с миром и с самим собой. Но в сердцевине его главных сомнений и страстей «одна, но пламенная страсть» — Родина.

Привет вам, дедовы места!
Проселок, выгон, лесосека...
Но родина уже не та,
Коль нет родного человека.

Уже по этой строфе видно, насколько поэзия Коротаяева «от мира сего», сколько в ней конкретного, сегодняшнего, злободневного, биографически лирического. Его стихи густо заселены не символами, не тенями, не стихами, а определенными судьбами и ликами, среди которых мать, жена, сын, земляки, друзья, недруги, и, конечно же, все эти судьбы как бы растворены в голосе автора и объединены им.

Лирический герой книги — воплощение совести и боли за все, что дорого ему: за любовь, за землю, за ребенка, за русское слово. Посмотрите, как по-некрасовски переживает он за сегодняшнюю женщину, которая, подоив корову, накормила вначале всех домашних — хозяина, сына, кошку, собаку — и лишь потом

Прошлась со вздохом по избе,
К столу присела,
Улыбнулась:
— Ну вроде можно
И себе.

Мало у кого из современных поэтов найдешь столько человеческого чувства к одинокой вдове, доживающей свой век на Вологодчине в бедной избе, со стен которой на нее смотрят лица мужа, брата, сына, не пришедших с войны.

Все шатанья села
Ты осилить сумела,
С плачем превозмогла,
С хрипом преодолела.
Что ж склонилась в пути
Над осенней травой
Ты с повинной почти
Золотой головою?

Настолько связан Коротаяев не с какой-то мистической, внеисторической жизнью, а с нынешней, на глазах творящейся, что может с таким же цельным чувством написать о неурожае как о бедствии народном и циника умеет заклеить страстным словом, а когда душа разбередится, то и самого себя не пожалеет — что делать, коль попался под горячую руку! В такие часы по-человечески естественно и закономерно мучается поэт, желая развязать или разрубить все жизненные узлы, разрешить все вопросы — не завтра, не

послезавтра, а сегодня, сейчас же, сию минуту, врукопашную хочет пробиться он к взаимной любви, к полному пониманию нами друг друга, однако не всегда это удается ему. Но столько в натуре поэта природной цепкости, настолько он, как я уже говорил, «от мира сего», что всегда его душа находит спасение в надежде, которая — что бы ни случилось! — самозарождаясь в глубинах народных характеров, никогда не покидает русского человека.

И сердце прощается с летом.
Но странно — оно не скорбит,
А только на холоде этом
Лишь ярче и жарче горит.
Ему словно самое время,
Вступая на новую пядь,
Светло побрататься со всеми
И новую жизнь начинать!

Родная природа для Коротаяева не просто «ареал обитания», но и труд на ней и в ее лоне, а значит, и истоки трудовой нравственности, с высоты которой можно судить людей и время. Вот так до любых — самых широких! — обобщений можно дойти, идя от ощущения природы и малой родины, потому что лишь здесь, на «белоствольном просторе» и на «перекатистой поскотине», человеку

дано почувствовать душою,
как эта маленькая родина
соединяется с Большою.

Эта книга богата болью и тревогой за землю — свою, отчую, и за всю планету.

Эта книга — десятилетиями дльщаяся попытка понять русскую народную натуру, тайну ее живучести, попытка поглядеть на нее трезво, а порой и беспощадно, но для того, чтобы окончательно уверовать в ее будущее.

Читаешь стихи Коротаяева и невольно начинаешь думать о своей жизни, воспоминания сливаются с мыслями и прозрениями поэта, «стыкуются» с его душой, чтобы какое-то время жить одной жизнью. Тайна поэзии — в сопереживании. В лучших стихах своих Коротаяев легко достигает этого сопереживания с читателями. Вот почему на все вопросы, которые поэт задает самому себе, должен

отвечать и читатель: здесь он не найдет готовых рецептов для жизни и пресного мякиша разжеванных нравоучений — он будет должен выстрадать истину вместе с поэтом, вернее, они оба должны ее выстрадать, помогая друг другу.

Но, корпя над задачами века,
От бессонниц стгорая давно,
Я жалею того человека,
У которого все решено.

В стихах Коротаяева нет готовых решений, но зато в них много непосредственности, страсти, поисков самого себя, или — когда он отказывается от драгоценных находок — жесткого самоосуждения, столь необходимого каждому творцу. И есть у него еще одна спасительная «крыша», под которой можно укрыться от многих неразрешимых и тупиковых путей судьбы, — способность подшучивать над самим собой, над всеми своими «загибами и закидонами», способность к самоиронии — не к той «провокационной иронии Гейне» (по словам Блока), а к доброй и человеческой самоиронии, всегда живущей в народном самоощущении. Вот как, например, поэт переживает любовную неудачу:

И пойду по берегу неспешно,
Малость подрасстроенный, конечно,—
Размышляя вслух и в пустоту:
Как сильны мы в армии и флоте,
Яростны в сраженьи и работе
И почти беспомощны в быту.

Но все неурядицы быта, все мелочи жизни отодвигаются в сторону, когда поэт ощущает себя частицей громадной страны, необозримой народной жизни, частицей всего, что поддерживает его на главном пути борьбы и поисков и что будет с ним пребывать до последнего вдоха. Вот его окончательный ответ циникам, дельцам, ловкачам всех мастей, исповедующим принцип «где хорошо, там и родина».

А упругую свежесть сада,
Шелест раннего листопада,
Несмирившийся огонь заката,
Ивы тихой седую прядь,

Потемневшие за ночь воды,
Обнесенные синью своды —
Чувство родины и свободы —
Это вы не вольны отнять.

В подобных строчках и мыслях — лучшая, самая высокая и самая чистая часть души поэта...

«Вечный костер» — итоговая книга избранных стихотворений Виктора Коротаяева, первые стихи которого стали появляться более двадцати лет назад в молодогвардейских изданиях. С тех пор он выпустил немало сборников стихов, выступил и с интересной книгой прозы. Он по-прежнему верен своей вологодской земле, где живет долгие годы.

Я очень хочу, чтобы читатель взял эту книгу в руки и вместе с поэтом побродил по ее большому пространству, ближняя граница которого начинается в плотных слоях материальной жизни народа на северной земле, а дальняя уходит к горизонту, чтобы затеряться, раствориться в дымке белых ночей, на грани земли и неба, где легко и вольно дышится человеку...

Станислав Куняев

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

На кручах, в парках, у вокзалов...
Железом, кровью и золой
Судьбина
Намертво связала
Солдат
С родимую землей.

Они ей жизнь завоевали —
Она покой сынов хранит.
Тогда они
 на ней
 стояли,
Теперь она
 на них
 стоит!

* * *

Счастлив я в своем добре и хude,
Потому что — с маковкой Кремля —
У меня была, и есть, и будет
Издавна родимая земля.
Вот она, моя березка детства,
Вот мои луга, река и лес...
Век смотри — и все не наглядеться,
Век живи — и все не надоест.
Прославляя дедовские дали,
Не сокру, свою жалея честь,
Будто ни тревог и ни печали
Отродясь не видывал я здесь.
Но придет нужда родному краю
Собирать сынов в стальную рать —
Я по крайней мере знал и знаю,
За какую землю умирать.

* * *

Ну что, казалось бы, такого...
А я ликую и свечусь,
Едва услышу это слово
Совсем коротенькое —
Русь.

И волны вновь отпрянут с мола,
И солнце двинется в обход,
А из распахнутого дола
Грозой и порохом пахнет.

Замрет звезда сторожевая —
И не постичь умом уже,
Какие связи оживают
И что творится там,
В душе,

Что жизнь готов отдать задаром,
Когда, раздвинув берега,
Дохнут в лицо
Морозным жаром
Родные
Русские снега.

* * *

Со всех встречавшихся широт,
Со всех мелькавших параллелей
Я рвался в дом родимый,
Тот,
Что затерялся между елей.
Привет вам, дедовы места!
Проселок, выгон, лесосека...
Но родина уже не та,
Где нет родного человека.
Но родина уже бедней,
Хоть вдоволь здесь грибов и хлеба,
Хотя по-прежнему над ней
Горит и вздрагивает небо.
Коровы у пруда мычат
И воду пьют,
Как чай из блюдца,
И стаи взбалмошных галчат
По-над часовенкою вьются.
Меня, конечно, примут здесь,
И зазовут на день рожденья,
И, так сказать, окажут честь,
И не покажут отчужденья.
А мне-то надо лишь одно:
Чтобы гудок летел с причала,
Да дед глядел в свое окно,
Да бабка кринками брэнчала...

* * *

Затосковал по малой родине,
По белоствольному простору.
По перекатистой поскотине
И переливчатому бору.
Дождаться вёдра бы, подумавши...
Да опостылели в столице
Самоуверенные юноши,
Самовлюбленные девицы.
Пускай утешится заранее
И заиграет сердце снова,
Услышав в зале ожидания
Знакомый окающий говор,
Где мужики и бабы русские
Сидят себе на лавках, бают,
Как будто по проходу узкому
Друг дружке обручи катают.
Попригляжусь, подсяду рядышком,
Давая волю нетерпенью.
«Куда направилась-то, баушка?» —
«Да ведь куда... К себе в деревню». —
«А где стоит твоя деревня-то?» —
«Да не особенно далеко...
Деревня наша недалеко —
У вашей, батюшко, под боком». —
Узнала, старая, узнала!
«Ну что ж, кажи, чего набрала». —
«Да набрала добра немало,
Да все дорогой растеряла.

Зато полегче бегать стало,
Теперь лети домой со свистом...»

От вологодского вокзала
Я провожу ее на пристань.

Покрыв причал со всей шумихой,
Гудок растает в зябкой шири,
И берега расскажут тихие,
Чем без меня цвели и жили.
Моя земля — и стать и силушка,
Любовь моя, тоска и зависть,
Я припаду к твоей осинушке
И навсегда уже признаюсь,
Что только здесь,
Где даль растворена,
Дано почувствовать душою,
Как эта маленькая родина
Соединяется с Большою...

РОДНОЕ

За годы я кругов наделал...
В судьбе, скитальческой досель,
Каких не видано пределов,
Каких не встречено земель.

Сады, открывшиеся глазу,
Дворцы и замки на воде...
Теперь и вспомнишь-то не сразу,
Когда увидел,
С кем
И где.

Чужие горы или дали,
Не раз похваленные вслух,
Самой души не задевали,
Хоть и захватывали дух.

А вот — изба.
Вот — кадка в сенцах.
Да луг.
Да лошадь у пруда.
А все вошло однажды в сердце
И в нем осталось
Навсегда.

* * *

Прекрасно однажды в России родиться
Под утренний звон золотого овса!
Твое появление приветствуют птицы,
Сверкают, на солнце искрясь, небеса.
Пока, озабочены снами твоими,
Ромашки гадают о новой судьбе
И ветром достойное ищется имя —
Кукушка пророчит бессмертье тебе.
Еще и усы не подкручивал колос —
Уже для тебя начались чудеса:
Тебе ручеек предлагает свой голос,
А лен зацветающий — дарит глаза,
Свой смех — колокольчик,
Роса — свои слезы,
Прическу — густая, волнистая рожь.
И статность тебе обещает береза:
Когда пожелаешь,
Тогда и возьмешь.
Спешит к тебе каждый с особенным даром:
Бери, примеряй, запасайся, владей.
А плата... какая?
Расти благодарным
Да будь всюду верным
Природе своей.

* * *

Нет у меня иного счастья,
Чем тихий берег над рекой,
Где доброй бабушки участие
Оберегает мой покой.

Где я встаю с восходом солнца,
Весь довольнехонек встаю,
И поднимаю из колодца
Прохлады полную бадью.

И —
 небесам самим на зависть —
Свечусь,
Заспав былую грусть,
И чисто-чисто
Умываюсь,
И долго-долго
В них смотрюсь,

В те небеса над свежим лугом,
Где, разлохмачены слегка,
Неторопливо
Друг за другом
Плывут и пухнут
Облака.

Слежу за их раздольным бегом
И вдруг,

Всю землю возлюбя,
Таким счастливым человеком
Опять почувствую себя,

Что не сдержу слезу участия,
Внутри кипевшую давно,
За всех,
Кому такого счастья
И половины не дано.

* * *

Какая даль лежала предо мной...
Я, чувствуя причастность к ней и гордость,
Смотрел в нее и знал,

что за спиной

Не менее прекрасная простерлась.
Светило солнце светом поздних сил,
Леса роняли медленно убранство,
И белый храм, как облако, парил
И озарял дремавшее пространство.
«Россия! Как легко с тобой вдвоем, —
Шептал я и взывал к кому-то: — Братцы,
Пока мы эту землю не пойдем,
Нам до конца в себе не разобраться».
Последних журавлей печальный клич
Катился в светозарную безбрежность...
(А мы не можем до сих пор постичь,
Откуда в нас такая боль и нежность.)
Река горела сдержанным огнем,
Над нею глыба каменная стыла...
(А мы себе вопросы задаем:
Откуда наше мужество и сила?)
На горизонте высились бугры,
И дальше заслонялось диском солнца
То, что пока в нас дремлет до поры,
Но все равно когда-то
Отзовется...

* * *

По воде, по кочкам, по грязи...
Широки дороги на Руси.

Как нарежешь в сторону Москвы —
Только глина выше головы!

А литые...
Это для ноги —
Просто золотые сапоги.

До колен!..
Пошел — и только вьет:
Выше редко грязь и достает.

Нет, наверно, не было таких
Ни у тех врагов,
Ни у других.

И они, конечно, неспроста
Топли возле каждого куста.

А вот деду — хоть и неучен —
Все трясины были нишчем.

Он, беспутник, праведник и враль,
По болотам шлялся,
Как журавль.

Потому что жил — зело рисков —
Вечно в стороне от большаков.

Эти кляби, судя по всему,
Впору мне
И сыну моему.

Впору нам, пока живем добром,
И весенний
И осенний гром.

Вся и грязь и пыль родных дорог
Впору
Лишь для нашенских сапог.

Но навек
И на мильон веков —
Не для чужеземных башмаков!

* * *

Музыка льется с небес
В светлые горницы полдня.
От удивления лес
Ушки топориком поднял.
Не оборвется игла
Неосмотрительно с елки,
Даже листва замерла
И колокольчики смолкли.
Выйдя из хвойных глубин,
Вышей покорные силе,
Все ручейки, как один,
Вдруг язычки прикусили.
Музыка льется смелей
В ясные горницы мая.
Видно по ликам детей:
Вправду, она не земная.
И потому допоздна,
В такт головою кивая,
Только сама тишина
Тоненько ей подпевает.

РУСЬ

Я в прошлое гляжу нередко,
Стремясь вернее угадать
Тех бородатых наших предков,
Что жили в давние года:
Работой выпитые лица,
Глубокий и тяжелый взгляд,
И злые

 острые ключицы
Из-под худых рубаш
 торчат.

«Эх, доля наша...
Чтоб те сгинуть!» —
А в голосе такая грусть!
Они плюют
 и горбят спины,
Ругая нищенскую Русь.
Но стоит только им прослышать,
Что вдруг с какой-то стороны
Сосед

 с несметным войском
 вышел,
Поганя земли их страны,
Они,
Свои отринув беды,
Опять берут доспехов груз —
И бьют татар,
И рубят шведов
За эту самую же Русь.

Им наша Русь
Из дальней дали
Светила светом молодым.
И коль они
 за ту
 стояли,
То мы
 за эту
 постоим!

В гиблый час,
Когда вконец сдавала сила,
Не одного
Да и не раз
К жилью
И жизни выводила.
И мог по этой тропке всяк
В любое время продвигаться
И по делам,
И просто так,
Чтоб родиной
Полюбоваться.
Невелика.
Неширока,
Теперь тропа заметна малость.
И слава богу,

что пока

Совсем в кустах не затерялась...
Не поросла навек травой,
Чтоб никогда не распознаться...
Ведь нам —

с повинной —

не впервой

К тропинкам дедов возвращаться.
К земле, что с детства так близка,
К цветам, что так просты и строги.
Где наша вечная тоска
И наши вечные истоки.
И с ощущеньем прежних дней,
Найдя родной тропы начало,
Я лишний раз
Пройду по ней,
Чтобы она
Не пропадала.

* * *

День был красный,
Как пасхальное яйцо.
Выходила молодушка
На крыльцо.
Выходила, молодая,
Босиком
И смотрела вдаль —
Ладошка козырьком.
Там от речки
Сквозь густой березнячок
Ехал Санушко —
Кепчонка набочок,
То прикуривал,
То «сосочку» тушил.
Ехал сдержанно,
Нарочно не спешил.
До избы лежала
Добрая верста,
А жена
Уж отворяла ворота.
Пропускала,
Провожала до крыльца,
Выводила из оглобель
Жеребца.
Словом ласковым
Его смиряла пыл,
Тихо слушала,
Как муж ее хвалил.

Уж крепилась,
Не вникала в те слова,
Чтоб от счастья
Не кружилась голова,
Принахмуривала
Вздогнувшую бровь
И поглядывала робко
На свекровь.
А у той довольно
Таяла душа —
Больно девка
Оказалась хороша.
С обходительной
Да ласковой такой
Не нажиться
За один-то век людской.
...Укатилось
То пасхальное яйцо.
Изменилось
Молодушкино лицо.
Вся судьба ее
Давно и вкривь и вкось.
Так ведь время-то какое
Пронеслось...
Три войны
Сумела вынести на плечах
И...
Не стоит вспоминать о мелочах.
Все родные:
Кто остался на войне,
Кто в земле,
А кто в безвестной стороне.
Словно камнями
Навек сдавило грудь,
И в глазах замерзла
Старческая муть.
Не сверкнут они,

На милого кося, —
Синева-то с горем
Выплакана вся.
Что мне делать, чем помочь,
Судьбу кляня?
Ведь она
Родная бабка для меня.
Усадить да завести
Такую речь,
Чтоб от мыслей преждевременных
Отвлечь,
Про узорчатое
Прежнее житье?
Лучше
Нет воспоминаний для нее.
Там была она
Сильна и молода,
Там родилась
И осталась навсегда.
Пусть-ка сядет,
Пусть-ко примет должный вид,
Пусть сама-ко про себя
Поговорит.
Буду слушать,
Сунув руки в рукава,
Хоть и знаю
Все — до крайнего — слова:
День был красный,
Как пасхальное яйцо,
Выходила молодушка
На крыльцо...

ВАСИЛЕК

Словно пожелав — капризной милой —
Угодить науке полевой,
Василек

ученые светила
Обозвали сорною травой.
Но, светясь и радуясь рассветам,
Сколько он у баб и мужиков
За одно коротенькое лето
Выполол из сердца сорняков!
Сколько он за век, что так недолог,
Детских головенок увенчал,
Закружил девических головок
И голов разумных раскачал!
Даже перед смертью беззаботен,
Он в страду уборочной не раз
Полевой обыденной работе
Ощущенье праздника придаст.
А не будь его —

представьте сами, —

Через радость шествуя и грусть,
Изо ржи
Какими бы глазами
На детей своих
Смотрела Русь?

* * *

Россия, белая от снега
И золотая от сосны...
Следы последнего набега
Уже как будто не видны.
А столько темной хмари было
И горькой мглы наволокло...
Но все лазурью затопило
И белым снегом замело.
И над раздольем звучной рани,
Легко катясь во все концы,
Звенят в серебряном тумане,
Быть может, счастья бубенцы;
И, замирая в зябких сенцах,
С особым вкусом,
Не спеша,
Любому звуку вторит сердце
И откликается душа.

МАТЕРИ

Ты смотришь
С обычным упреком
Людей,
Что действительно ждут.
Всю жизнь я
Налетом,
Наскоком,
На десять,
На двадцать минут.

Я сын своего поколения.
И разве я в том виноват,
Что не было мне увольненья:
Я был
И остался солдат.

А доля солдата — служенье,
А сердце —
Криви не криви —
Как свежее поле сраженья,
В железе,
Огне
И крови.

Прости же мое раздраженье
Как нервной системы пробел.
Я только что из окруженья,
Еще и остыть не успел.

А надо бы выдохнуть сразу,
Входя в дорогое жильё,
Такую уютную фразу,
Чтоб ты завернулась в нее,

Грехи мне припомнила снова,
Слегка за вихры теребя.
Но что породила такого —
Вовек не корила себя.

* * *

Пятками прошлепаю босыми.
По тропинке солнечного дня.
Хорошо, что родиной
Россия
Чудом оказалась у меня.
Дали в разливных скворчиных песнях,
Перелески в матовом дыму.
Даже лопухи в канавах местных —
И они по нраву моему.
Вон сороки вылезли на сцену,
Пусть не спеть,
Так хрюкнуть на виду.
Да не бойтесь,
Я вас не задену,
Лишь тихонько рядышком пройду.
Синий полдень золотом окован,
В седине березовая прядь...
Неужели
Без всего такого
Где-то
Я бы мог существовать?
Слушать птиц
Прилежно и бесстрастно,
Нюхать чужеземную траву...
Кажется, я только здесь
Так ясно
Каждой клеткой
Помню и живу.

Не проснусь,
 чтоб в радостном порыве
Не благословить речную гладь.
Не засну,
 чтоб одинокой иве
К ночи светлых снов не пожелать.
Или —
 подвернется добрый случай —
Как же удержать мужичью прыть:
В праздник
Трепака не отчубучить
Или ворота не своротить.
И конечно,
В разуме и силе,
Нераздельны в духе и плоти,
Только в дорогой стране России
Все мы и могли
Произойти.

* * *

Вот и снова я в родной стихии,
Где мычат коровы со двора
И с полениц
 петухи лихие
Зычно надрываются с утра.
Снова подает мне ужин бабка,
Называет бережно сынком.
Подо мною —
 струганая лавка,
Предо мною —
 каша с молоком.
Да и сам я весь какой-то новый —
На душе свежо и высоко,
Словно после дожидчика грибного
Побродил по травке босиком.
Мужики на стульях, как на тронах,
Все басят про хлеб да поросят.
Их полусуконные короны
По стене на гвоздиках висят.
Надо полагать,
 что мы до чарки
В баньке наведем покруче таз,
И мочалки,
 злые, как овчарки,
Яростно набросятся на нас.
А потом до самой поздней ночи
Прогудит и пропоет изба:
«Что же вы, соколики-сыночки,

Заритесь на белые хлеба?
 Может, вас денюга приворожила,
 Улицы в асфальте и огне?
 Али образованность отшибла
 Память о родимой стороне?»
 И в который раз поймется с песней
 То, что я вовеки не предам:
 Солоно —
 но лишь бы с ними вместе,
 Тяжело —
 но только пополам.

* * *

Я булыжную осень оставил
Ради той, что, всходя на крыльцо,
После страдной горячки
Устало
Рукавом утирает лицо.
Той, что с вечной заботой во взоре
И подошвы скоблит о порог,
И привычно сдирает в притворе
Не просохший за лето сапог;
Да позднихонько лампу задует,
Заглянув напоследок в закут, —
И осенние тучи раздумий
К изголовью ее поплывут:
То ли крышей протекшей заняться,
То ли пол перебрать как-нибудь,
То ли нынче с коровкой расстаться,
То ли зиму еще потянуть.
А за окнами

желтую репу
Дождь полощет в корытах борозд
И метут по холодному небу
Голики облетевших берез.
И никто с разговором

до света

Не пройдет под окошком резным:
Земляки, отгостившие лето,
Разлетелись к заводам своим.
И куда-то пропал неизвестно

Тот, с бородкой, в очках золотых,
Что выводывал здешние песни,
Чтобы тешить потом городских.
Кто налево ушел,
Кто направо,
Словно здесь не земля никому.
Да и ладно.
Хоть сердца не травят,
Коль помочь
Не умеют ему.

* * *

«Дорога пройдет за деревней, —
Твердил разгулявшийся гость.
Сверкал он коронкой передней,
Шутил за блинами с вареньем. —
Дорога пройдет за деревней,
Чтоб крепче деревне спалось».
И, чокаясь рюмкою с тестем
И морщась,
Как будто дитя,
Добавил уже не шутя:
«Теперь по деревне не ездим —
Другие пошли скоростя».
И сразу, каким-то моментом,
Представили явственно мы:
Сквозь поле
Бетонная лента,
Прогнувшись, идет за холмы.
Колеса вращаются быстро,
Пылят и гремят кузова,
Ложится от рева и свиста
И справа и слева
Трава.
И долго, качаясь, над лугом
Дрожит потревоженный свет,
И женщины смютрят с испугом
Промчавшимся буйволам вслед.
...А было когда-то, в начале
Веселой девичьей поры —

Они драндулеты встречали,
Сбегая к подножью горы.
Толкали полуторки в гору,
И с видом ответственным их
Катали попутно шоферы
В кабинках своих продувных.
(Пожалуй, водитель в ту пору
Был первый в округе жених.)
С ним в праздник стаканом делился,
Радея, любой старожил
И каждый по-свойски гостился,
Знакомство и дружбу водил.
А если водитель напиться
Попросит в домишке каком —
Хозяйка не сунет водицы,
Всегда напоит молоком.
И он, не считаясь, под осень,
Глядишь,
С окончаньем работ
Одну до базара подбросит,
Другую на пристань свезет.
Еще было форсу немного.
России жилось тяжело,
И не огибала дорога
В разбитых подъездах село.
Тогда нерадивец последний
Негромко,
Но все же с душой
Гордился,
Что вместе с деревней
Стоит на дороге большой.
...Мы помним и свято и строго,
Как пахла горелостью мгла,
Когда фронтовая дорога
Вдоль русских посадов прошла.
И как по дождю или пыли
Солдаты бесстрашной страны

По ней на войну уходили,
По ней возвращались с войны.
Не знать и не видеть нам в жизнь бы,
Как с горьких обочин тех лет
Глазами запавшими избы
Смотрели ушедшим вослед.
Припомнив все бури и шквалы,
Одно утверждать я берусь:
Всегда деревянная Русь
На самой дороге стояла.
Пахала, косила и жала,
Все мало ей было,
Все мало,
Последним грошом помогала
Скорей разогнаться стране.
Кормилась крапивой,
Половой,
Возилась с навозом,
С коровой,
И где-то от скорости новой
Осталась сама в стороне.
Деревня, родная деревня,
Какая нелепость в судьбе!
Неужто с твоим-то гореньем
За этим безудержным рвением
Уже не угнаться тебе?
И так —

неужель, неужели?! —

Твои поизбиты пути,
Что, чем их исправить,
Дешевле
Другие — новей —

провести?

Я вижу, что рвется в природе
Какая-то важная нить...
Но не на что плакаться вроде,
И некого вроде винить.

Подумаешь, повод для трений,
Для охов и ахов пора!
Дорогу ведут за деревней —
Так ей ведь желают добра.
От пыли и гари в сторонке,
Живи и дыши — благодать!
До этой до самой бетонки,
Коль надо —

рукою подать.

И знаю, что все это бредни,
Но что там раскаркался гость?
«Дорога пройдет за деревней,
Чтоб крепче деревне спалось...»

* * *

Хорошая жизнь у старухи,
На месте и ноги и руки,
А с ними — внушают ей внуки —
Любая беда не беда.
Спина, правда, малость горбата,
Мяска у костей маловато
Да видят глаза слабовато —
Так, в общем, уже и года.

Ведь все на веку пережито:
Сгорали хоромы и жито,
Годами не ели досыта —
Пришлось попадать в оборот.
Всю жизнь-то она молотила,
Доила,
Косила,
Копнила.
Откуда бралась только сила —
Теперь и сама не поймет.

Бывало, жара или стужа —
Война! — за себя и за мужа
Тянула, пожалуй, не хуже
Кобылы любой и быка.
Не слабой слыла и не тихой,
Не зря прозвана Огневихой;
А послевоенное лихо
Намяло и этой бока.

За горести все и напасти
Впервой привалило ей счастье:
И пенсию выдали власти,
И хлеба носи хоть мешком...
Дошло наконец, докатилось —
Имба, точно храм, засветилась.
Но долго идет справедливость —
Наверное, ходит пешком.

Теперь-то ей надо немного.
Уже недалеко до бога.
Пораньше бы, может, подмога —
Тогда бы, глядишь бы, авось...
Когда еще елось и пелось,
И сила была, и умелость,
Когда еще жить-то хотелось,
Когда еще жить-то моглось...

* * *

Тетя Маня не смогла поучиться —
Были слишком уж недостатки малы,
И поэтому в районной больнице
Тетя Маня примывает полы.

Натирает половицы — работа! —
Намывает, как родную избу,
И блестят они, как капельки пота
На ее непросыхающем лбу.

Тетя Маня так любила с рожденья
Звезд вечерних золотую красу,
Только чаще видеть
Их отраженье
Приходилось то в ведре,
То в тазу.

До конца ей не суметь распрямиться,
Сядет, старая, — и то наклонясь,
Словно треснула давно поясница,
Словно треснула
Да так и срослась.

Никаких прибавок тетя не просит.
Ей и так за добросовестный труд
То под праздничек
На платье подбросят,

То в приказе
Хорошо помянут.

И скоблит она, и песенку тянет,
Слышен голос то вдали, то вблизи,
А я думаю:
Не будь тети Мани,
Мы давно бы закупались в грязи.

* * *

Под горой стоит домок,
Из трубы идет дымок.
Перед печкою старуха
Мирно стряпает пирог.
А на печке дремлет дед
Девяноста с лишком лет,
И у деда аппетиту
На пирог сегодня нет.
Дедко сверху говорит:
«Разве есть у бабки стыд?
Для нее, наверно, радость —
Мой пропавший аппетит».
Бабка — ставит кочергу:
«Поболезновать могу,
А по экой вьюге
В лавку
Все равно не побегу». —
«Сказанешь ты тоже, мать!
Ну, пошто тебе бежать?
Тут ползти и черепахе-то
Минут, поди-ка, пять».
Отложила пироги.
Буско замер у ноги.
Стало слышно, как у бабки
Заработали мозги.
«Вон слезал бы, чай-от пил,
Сам ведь стонешь: нету сил.
Экий век на свете прожил,

А ума не накопил».
Блюдом торкнула сильней,
Но забегала скорей,
Поворчала перед дверью,
А потом уже —
За ней.
Дедко с печки слез кряхтя:
«Ой, матаня...
Как дитя.
В календарь-то раз в неделю
Заглянула бы хотя».
Бабка с согнутой спиной
Входит.
Взгляд уже иной:
«Вот ведь, старая калоша!
Знал, что в лавке выходной».
Дед молчит.
И потому
Бабка буйствует в дому:
«Только зубы-то вставные
И поскалить бы ему». —
«Ладно, матка, не серчай.
Разливай-ка лучше чай.
Ну, подумаешь, смешинка
Подвернулась невзначай».

ПЕТУХ

Один петух на всю деревню.
Горласт, норовист и удал.
Все утешенье бабки древней
И жизнь ее,
И капитал.
Он выйдет утром за ворота
Да зыкнет молодо в зенит —
На ожерелье
Позолота
Так, полыхнув, и зазвенит.
Пусть в городах свои порядки,
А здесь его устав —
Закон.
И потому к нему хохлатки
Так и летят со всех сторон.
Он зорко их пересчитает,
Хоть знает всех наперечет.
Порой за гребень потаскает,
Нравоучение прочтет.
Но всех сведет к своей посуде
Глонуть водички с утречка.
Для этой зернышко добудет,
А с той разделит
Червячка.
Потом взмахнет крылами резко,
По-молодецки вскинет бровь.
Но вот беда:
Подрасться не с кем,

Поразогнать по жилам кровь.
Он прыгнет,
Дрыгнет,
Звякнет шпорой,
Покамест улочка тиха:
Ведь песня тракторная скоро
Заглушит песню
Петуха.
И он уйдет в свою ограду
И в лопухи утянет рать.
И бабка снова будет рада
Его пшеном побаловать.
Она потряхнет с крупой передник
И не впервые скажет вслух:
«Один петух
На всю деревню...
Один.
Зато какой петух!»

МАРТ

Посветлели поля за рекой,
Снова солнышком дали облиты.
Нет, пока до тепла далеко,
Но морозы уже пережиты.

Полоса снегопадов
И бурь
Миновала,
И даль засинелась.
Нет, пока не сплошная лазурь,
Но зато не сплошная и серость.

Март порядки диктует свои
И свои утверждает законы.
Пусть пока не одни соловьи,
Но зато не одни и вороны.

ЦВЕТЫ, ЦВЕТЫ...

Ах, эти анютины глазки
С туманом седым на висках...
Какие поверья и сказки
Таятся у вас в лепестках!

Напевы вечернего луга,
Разливы зари впереди.
Не зря у покойного друга
Волнуетесь вы на груди.

Не зря — то в бреду, то воочью, —
Когда затихает гроза,
Ко мне вы являетесь ночью
И смотрите прямо в глаза.

И в темени;
Каясь и маясь,
Я тихо шепчу вам «прости»,
И все отвернуться пытаюсь —
И глаз не могу отвести.

* * *

Лишь петухи стряхнули сон
да,
Сяросонок встрепаны слегка,
С зеленой ветки горизонта
Едва вспорхнули облака, —
И сразу тронулось, вздохнуло,
Зевнуло сладко и тепло,
Прошелестело, промелькнуло,
Поосмелело — и пошло!
Июль сверкнул глазком лукавым,
И потянулся как дитя,
И расчесал хлеба и травы
Наклонным гребешком дождя.
Потом опять как бы сморился,
Притих, залез в свою дыру,
Но, что-то вспомнив, оживился,
Себя прихлопнул по бедру,
Взъерошил старую солому,
Перемахнул через забор
И ранним лучиком из дому
Ребенка выманил во двор.
Промел крылечко и дорожку,
Угнал подальше сенный пук
И воробьев полно лукошко,
Играя, высыпал на луг.
А мальчик жмурился от света
И все глядел на сеновал,
И для кого старалось лето,
Никак со сна не понимал.

* * *

Я ночевал под старым виноградом,
Что для хозяев был как свой лесок.

А поутру я чувствовал, как рядом
Тугие гроздья добирали сок.

Еще с полузакрытыми глазами,
Не скидывая тонких покрывал,

Чуть приподнявшись,

влажными губами

Я дымчатые ягоды срывал.

А на гряде

у древнего колодца,

Горячим светом озаряя двор,

Всходили доморощенные солнца

Налившихся

пунцовых помидор.

Я шел к столу,

Позевывая сладко,

И что-то баритоном напевал.

Простые люди среднего достатка

Меня опять сражали наповал.

Казался стол и короток и узок

От колбасы,

Ватрушек и вина,

Со скрипом

прогибалась под арбузом

Ореховой столешницы спина.

Хозяйка же, не слыша возражений, —

И этим по-особому мила —

Полтазика прожаренных пельменей
Пристраивала с краешка стола.
И вспоминались мне родные села,
Где, зная,
Что такое хлеб и труд,
Не меньшие, конечно, хлебосолы
В сосновых избах
сызмальства живут.

Я там бывал и не однажды буду.
Туда приди в любое время дня —
И всем, что есть,

приветливые люди

От всей души

попотчуют меня.

И будут возвышаться грузди в плошке,
И бабка,

скинув крышку на шесток,

Большой чугунок

разваристой картошки

Передо мною выставит на стол.

ЗНОЯ

Несносная жарища,
Несносная — хоть плачь!
Тоится в клеверище
С раскрытым клювом грач.

Глотая пыль,
 о лесе
Вздыхают ивняки,
Сухие листья свесив,
Как будто языки.

Не выдержав характер
И съехав с большака,
Раскинул дверцы трактор,
Как полы пиджака...

* * *

У моря погоды не жди.

Пословица

Ветер над водой рванул, крепчая, —
Обнажились каменные лбы.
И в полкилометре от причала
Волны ставят лодку на дыбы.
Древняя добытчиков работа...
И набухнут сами желваки,
Коль недосчитаются кого-то,
Выбравшись из шторма,
Рыбаки.
А вблизи с мечтательностью женской,
Вглядываясь в пасмурь
Диких вод,
Прикрывает веки от блаженства
Шляющийся берегом народ.
Ни к кому претензий нету вроде.
Только утешение себе:
Все уравновешено в природе
Или предначертано
В судьбе.
Утром песня прянет в поднебесье,
А звезда потухнет насовсем.
И навеки
В этой вечной бездне
Радости и горя
Хватит всем...

* * *

Всю ночь горел огонь
В прокуренной избе.
И старый кот не спал
И глазки жмурил мудро.
Всю ночь проговорил
Хозяин о судьбе,
Которая его
И прибрала под утро.

Потом была повозка,
Были мужики,
Толкавшие ее
По бездорожной стыли.
И заставляла мысль
Вжиматься в пиджаки:
«Ну что ж!
И покрупней
Витни уходили».

Теперь изба молчит.
Пришел конец речам.
Над нею лишь, скорбя,
Хозяйский дух витает.
Да старый кот —
Один —
Мяучит по ночам,
И до сих пор никто
Огня не зажигает.

* * *

Пролетела буря над полями,
Раскрутила глину и песок
И своими черными крылами
Заслонила запад и восток.
От непродыхаемого ветра
И каких-то чужеродных тел
Загудели

 стронутые недра
И разъятый воздух заревел.
Колоски налившиеся —
 где вы? —

Где надежды тайные и сны?
Выполоты начисто
Посевы
И — бог весть куда —
Унесены.
И теперь стоят среди разрухи,
В поясице согнуты уже,
Словно обреченные старухи,
Три березы темных
На меже.
Равнодушно солнышко встречают
И ночную ветренность и стыть,
Не шумят
И птиц не привечают —
Думают,
Как дальше
Быть и жить.

* * *

Трудно дышится в этом доме:
Затхлый воздух
И мутный свет,
Но — увы! —
На сегодня —
Кроме —
Ни дрянней,
Ни прекрасней
Нет.

Тесно,
Душно внутри,
Как в клетки.
И спасает меня пока
Только память,
Что есть на свете
Где-то
Полюшко,
Лес,
Река...

* * *

Не вдруг и не сразу поймется —
Мы к мерам привыкли иным, —
Что меньше различий,
Чем сходства,
Меж морем
И полем ржаным.
Пусть больше простора и воли
У белых вдали кораблей...
Но море —

 такое же поле,
Которое кормит людей.
Здесь то же тяжелое небо
И те же седые века,
И вкус одинаков у хлеба
Крестьянина и рыбака.
Работа?
Понятна работа
И славна во все времена,
Ведь солью рыбацкого пота
Набрякла морская волна.
Связуя и воду и сушу,
Работая в поте лица,
Им равно
 здоровье, и душу,
И жизнь
Отдают до конца.

* * *

В газете хвалят сенокосы
И небывалый намолот,
Но по привычке, видно, осень
Веселых песен
Не поет.

Березы молча смотрят в пруд,
Боятся вдруг спугнуть удачу.
А бабы если и поют,
То все равно как будто плачут.

ОСЕННИЙ ГУЛ

Шумит осинник по старинке,
Коровы хрумкают в логоу.
Как опрокинутые кринки,
Темнеют копны на лугу.

Я примирен опять со всеми,
И снова еле дышит грудь,
И может, самое бы время
Прилечь под холмик
И уснуть.

Но позабудь себя
Попробуй,
Когда послышится вдали
Тот угрожающий,
Недобрый,
Неукротимый гул земли.

Как будто там,
В самой утробе,
Почуяв холод наконец,
Рычит в своей последней злобе
Июлем сваренный свинец.

* * *

В рюкзаках — ни крошки,
И гроза близка.
Ни в одном окошке
Нет у огонька.

Ни шагов, ни речи
Ни в одном дворе,
Хоть бы пес навстречу
Тявкнул в конуре.

Зря ты мысль лелеял
Переспать грозу.
Здесь не веселее,
Чем в ночном лесу.

И стучать — поверь мне —
В окна не спеши:
Вдруг во всей деревне
Нет живой души...

Помолчим вначале
И решим опять:
Лучше в сеновале
Дождик переждать.

Хоть надежда будет:
В зное да пыли

Натомились люди,
Рано спать легли.

Мне и так отныне
Душу истомит,
Смех и сон отнимет
Этот сельский вид,

Где под небом древним
Катится река
И на всю деревню
Нет ни огонька.

* * *

Представлю тихую деревню:
В резных наличниках дома
Стоят,
 как будто терема,
Клубникой пахнет да вареньем,
Да в лопухах собаки дремлют,
Урча на дальние грома.

Представлю солнечное утро,
Его сложившийся обряд,
Когда подошники гремят,
Коровы вдумчиво и мудро
Глядят на солнышко,
 как будто
Молитву древнюю творят.

Закат раскрасит в избах печи.
И, сократив дневную прыть,
Мужчины сядут покурить
Да похвалить обычный вечер,
Что помянуть особым нечем
И невозможно
 позабыть.

А ночь настанет, вспыхнут звезды
Над зрелой зеленью садов,
Над темной свежестью прудов.

* * *

Шумит,
 наливается поле,
И речка блестит у леска.
Повсюду такое раздолье,
А сердце сжимает
Тоска.

А сердце затравленно бьется,
Не помня любимых страниц,
Не видя умытого солнца,
Не слыша очнувшихся птиц.

Не радо погоде хорошей,
Не радо воде ключевой.
И только больнее
 и горше,
Когда не поймешь —
Отчего...

* * *

Через село идет дорога.
Давно идет, издалека,
Как бы уставшая немного
И погрузневшая слегка.
Над ней под возглас петушиный
То прохромает инвалид,
То проурчит автомашина,
То кнут возницы просвистит.
Просеменит с квохтаньем птица,
Прошествоует усатый кот,
Жена сердитая промчится,
Мужик подвыпивший пройдет.
Но вот, качаясь, над дорогой
Пови снут веточки теней —
И пыль тяжелая надолго
Опять уляжется на ней.
И вдруг потянет от порога,
И вдруг чего-то станет жаль...
Ведь, как и всякая дорога,
Она зовет куда-то вдаль.
И если твердо и упрямо,
Стремясь настойчиво вперед,
По ней идти все прямо, прямо —
Она к раймагу приведет.

ХЛЕБ

Нельзя сказать, чтоб лишка рылись в яствах,
Хоть жили не бедней
Других людей.
Заботы и нехватки государства
Ни разу не минули
И детей.

Но были дни — щедры и плодородны,
Кряхтели старики: «Вот это жисьь:
И рыбы —
Сколько душеньке угодно,
И ягод и грибов —
хоть завались».

Бывало, на пшене
Пышнело тело,
Случалось,
Что и меду не хотел...

Все вроде бы когда-то надоело.
И только хлеб —
один! —
не надоел.

* * *

Пади да болота,
Гари да поля.
Мокрая от пота
Вечного земля.
Позабытый хутор,
Тощий сенокос.
Было здесь хлебнуто
Горького до слез.
Позади коряги,
Мертвая коса,
По бокам — овраги,
Впереди — леса.
Глина у сарая,
Камень у крыльца.
Только синь без края,
Звезды без конца.
Лишь просохнет малость
Летом колея...
Не избаловалась
Родина моя.
Сыновья бесчисленно
Покидали мать:
Дальние почетней
Земли обживать.
Да и я не лишка
Тут вспахал полос...
Тот же все домишко
Смотрит на овес.

Но хотя бы — рядом
Жил, ходил, мелькал.
Может, добрым взглядом
Выжить помогал.
Разве же напрасно
В новом свете дня
Родина так ясно
Смотрит на меня!
Пусть, мол, ты во блажи
Клял меня и крыл,
Но и в мыслях даже
Мне не изменил!..

* * *

Раздетый лес шумит неподалеку,
Притихшую реку едва слышать.
По-бабьи подперев печально щеку,
Что,

 родина,
 задумалась опять?

Что смотришь на болезненную озимь,
На ветви обескровленных раки?
Да, это осень.

Понимаешь,
 осень,

Которая отрады не сулит.
От сырости простудной травы сникли,
И небосвод бессолнечен и гол,
А у тебя полблюдечка брусники
Да полный золотой листвы подол.
А может,

 даже лучше в самом деле

Жить на корму подножном в шалаше,
Чтоб мелочи умом не завладели
И не мешали думать о душе?

Но только,
 восходя звездой вечерней,

В притихшие края

Уже давно

Ни радости,

Ни сна,

Ни облегченья

Раздумья не приносят все равно.
И, обреченно ждущая морозов,
Среди деревьев мрачных чуть дыша,
В далеких
Неприкаянных березах
Прощальным светом
Светится душа.

* * *

Сентябрь уже не за горами,
А мы еще не загорали,
Не накупались в подобревшей,
Насквозь просвеченной воде,
Не набродились этой грешной
Землей в хлебах и лебеде,
Не наносились от колодца
Янтарных солнышек в ведре.
(А запасенный лучик солнца
Как бы сгодился в декабре.)
Не напасли и половины
За лето веников и дров,
И не наварено малины,
И не засушено грибов,
Не утеплен еще телятник.
А эту зиму увенчал
Такой внушительный декадник —
Углы трещали по ночам.
И вновь посыплет скоро крупка:
Тепло у здешних берегов —
Всего лишь малая уступка
Господствующим холодов.
В такие дни у полпланеты
Совсем другое на уме.

А нам затем дается лето,
Чтоб приготовиться
К зиме.

* * *

Кончилось время свободы.
Как приговор признаю.
Вот и осенние воды
Хлынули в душу мою.
Нет,

 не грядущая старость,
Просто полгода подряд,
С неба от ветра срываясь,
Звезды под сердцем кипят.
Просто у самого края
Гнутся над речкой стволы,
Стоном глухим укрепляя
Чувство моей кабалы.
Стал я всецело зависим
От приумолкших пичуг,
От облетающих листьев
И завывающих вьюг.
И, прибавляя печали,
Мелко дрожа в полусне,
Худенький мальчик ночами
Плачет сиротски во мне.
Столько горчицы и соли...
Но за какие дела
Мне от всеобщей юдоли
Раньше отсрочка была?
Я бы себе не признался
В том,
 что, живя нараспыл,

* * *

Доверчивым сердцем славянским
Беспечная стайка берез
Осеннюю щедрость и ласки
Опять принимает всерьез.
И, бросив другие занятия,
С рассвета и вплоть до темна
Березки

по вкусу и стати
Себе подбирают тона.
Счастливо

шумят на опушке,
Красуясь у всех на виду,
Как будто забыли простушки,
Чем кончили
В прошлом году.

* * *

В густой траве речной излуки,
Худа,

 тиха и пожила,
Закинув за голову руки,
Сморенно женщина спала.

Все ниже
 солнце опускалось,
И чай давно кипел в котле,
Но словно вечная усталость
Ее держала на земле.

И точно след какой-то муки
Ей брови вытемнил и свел.

И лишь закинутые руки
Светились,
Словно ореол...

КОНЬ

Не на день — навек приручали,
И память почти умерла.
Лишь вечной полынью печали
Под сердцем свобода жила.
Как титул высокий даруя,
Однажды
 по скулам крутым
Прошлась золоченая сбруя
И — словно родился таким.
При свете неверном и зыбком
Для всяких глупцов и кутил
Сойдет и сейчас за улыбку
Оскал от железных удил.
Уныло сменяются числа,
Душа ни к чему не лежит,
На поводе здравого смысла
Он с клячами вместе кружит.
Но только подснежник пробьется,
Засветится даль впереди —
Горячая кровь иноходца
Поет, задыхаясь, в груди.
И мышцы под кожей, грозно
Катаясь, играют тогда,
Трепещут тяжелые ноздри,
И сами трещат повода!

* * *

Все встало на свои места.
И даль осенняя чиста,
Над нею ранняя звезда
Дрожит и медленно восходит.
Вдоль русла тусклого

плоты

Плывут, чернея.

И кусты,
Как сгустки первой темноты,
Стоят, не радуясь погоде.

Молчит над берегом сосна,
И голова, как даль, ясна.
И ночи летние без сна
Истаяли,

как запах сена.

И словно тише стала кровь,
И сам себе внушаешь вновь:
Забылась поздняя любовь,
Забылась скорая измена.

Все встало на свои места.
Машины тянутся с моста.
И так вода в реке густа,
Что не пробить и камнем вроде.
И лишь одна душа, скорбя,
Все ищет места для себя,
Все ищет места для себя —
И не находит.

ПУРГА

Шумит и воеет непогода,
Не помня суток и часов.
Почти не видно небосвода,
Людских не слышно голосов.
Теснее кровь,
И воздух глуше,
А за спиною воеет так,
Как будто ветер чью-то душу
Наматывает на кулак.
Ни огонька в содоме этом.
Лишь,
 неустанна и дика,
Над всем широким белым светом,
Зверая,
 властвует пурга,
По берегам гуляет шало,
Знобит
 и крутит полынью.

...И посреди земного шара
Я одинешенек стою...

* * *

Не возведу напрасную хулу,
«Собаку» не навешаю на шею,
И мужичонку, спящего в углу,
Скорей не осужу,
А пожалею.

Ведь мир хорош, пока не нарочит...
Пусть выпьет — пьющий,
Пляшущий — попляшет,
Пусть охладевший к слову — помолчит,
А пожелавший высказаться — скажет.

И чтобы этот свет пока не дрях,
Не поддавался косности и фальши —
Не брошусь урезать его в правах,
А помогу ему твориться дальше.

Не отведу от каждого беду,
Но по недоброй воле или силе
Ни на кого жулу не возведу.
Лишь на меня б опять не возводили...

* * *

Какое все-таки блаженство
В траве раскинувшись лежать,
Ни словом суетным,
Ни жестом
Движенью жизни не мешать.
Когда,
 забыв о прежних муках,
Довольный всей своей судьбой,
Зеленый мир
В цветах и звуках
Стоит,
 как праздник, пред тобой.
Пусть ай в листве большого дуба,
Перебирая дни свои,
Как мужики,
 свежо и грубо
О жизни судят воробьи.
И в ожиданье белой ночи
Благоухает белый сад.
Пусть ай кузнечики стрекочут,
Жуки навозные ворчат.
И не пугает слишком ныне
Средь неизбежных перемен,
Что смерть когда-то все отнимет
И ничего не даст взамен.
Пусть лучше думается смело —
И прежде прочего всего, —
Что в жизни делается дело

Не без участия моего.
Что этот свет мне все дороже,
И я ищу все больших дел
Не потому, что стал моложе,
А потому, что не старел.

* * *

К берегу жмется осока,
Ходит кругами вода,
Где-то одна-Одинока
В тучах блуждает звезда.
Пес ненакормленный лает,
К ночи наводит тоску,
Слышно, как ветер гуляет
По моему чердаку.
Слышно, как там, за паромом,
Глухо шумит перекат,
Как у соседа за домом
Старые ели скрипят.
Стукнет бадья у колодца,
Треснет сучок у осин —
Каждый хлопок раздастся
Резче,

когда ты один.

Ветер всему в довершенье
Черную треплет ботву.
Только одно утешенье:
То, что я дом а живу.
Счастье ли это иль бремя —
Поздно взывать к небесам:
Я предотлетное время
Выбрал для отдыха
Сам...

* * *

И льет, и льет, и льет
Который день подряд.
И бьет,
 как кулаками,
В драночные крыши.
Простуженно
Леса окрестные хрипят,
Натруженно
Земля прознобленная дышит.

Не видно за дождем
Ни самых ближних сел,
Ни — даже — под горой
Кувшинкового плеса.
Лишь пучится, пыхтит
И хлюпает подзол
Да вязнут в колеях
Тяжелые колеса.

Душа устала ждать
Простора и тепла
И отмечать, как птичьи трели
Отсырели.
А между тем
Тихонько липа отцвела
И в поле колоски
Заметно потучнели.

А между тем
Цветы тихонько отцвели
Под ветреной и мокрой
Этой каруселью,
Все соки,
 что сумели,
Взяли у земли,
И семена свои
Вот-вот уронят
В землю.

* * *

О, сколько в солнышке лукавства!
Опять его лучом в наклон
На два неравных государства
Мир прихотливо поделен.

И все, которым удастся
Закончить наскоро обед,
Смеясь, давясь —
 скорей на солнце! —
Летят,
 как бабочки на свет.

А солнце жару поддает
И молодым и старым поровну,
И ослепленный пешеход
Не видит тeneвую сторону.

Но я уже бывалый гусь.
Я покажу светилу спину,
В тени немного поостыну —
И не спеша поосмотрюсь.
Мне даже в собственной столице,

Где дорога любая пядь,
Быть ослепленным не годится:
Работа может пострадать.
А здесь,
 в тени,
 в шагу от солнца,

Не так дурманяща трава,
Уже ровнее сердце бьется
И не кружится голова.
К тому ж отсюда —

в шуме, в гаме —

Во всех подробностях видна
С людьми, с портретами, с домами
Вся солнечная сторона!

* * *

Ну вот она
 пришла, рябиновая осень,
Пришла,
 прошелестев походкой молодой.
Торжественно горят ряды высоких сосен
Над тихой,
 как во сне, озерною водой.

И нет не озаренных листьями оврагов
И не пропахших свежим яблоком ночей.
И словно никогда здесь не было варягов,
Не раздавалось их заносчивых речей.

Просторней стала даль,
И небо стало выше,
Над полем тишина стеклянная звучит.
Земля не помнит зла,
Земля любовью дышит,
И все не может нас
Тому же научить...

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Ну, вот и расправлены крылья,
И синь застонала в окне;
Чуланка, пропахшая пылью,
Теперь не по мне,
Не по мне!

Счастливо молюсь на фортуна.
И больше
На ласку твою
По дури
Не клюну,
Не клюну —
Я больше вообще не клюю.

А то,
 что мне был с увлечением
Преподан хороший урок, —
Так, может, хоть это ученье
Пойдет неученому впрок...

СТАРИКИ

По самым настойчивым слухам —
В избушке,

зарывшейся в снег,
Угрюмый старик со старухой
В глуши доживают свой век.
Но слухам я шибко не верю,
Их жертвою был я не раз.
...И право, за низенькой дверью
Мне чисто и славно сейчас.
Я, только с мороза оттаяв,
Уже и чайком угощен,
И в милые тайны хозяев
Как свой человек посвящен.
И вижу,

как, с бурями споря,
И в деле и в мысли един,
Плывет по ревущему морю
Решительный гардемарин.
И слышу так ясно и близко,
Как,

мучаясь ночью и днем,
Пятнадцати лет гимназистка
Вздыхает

и плачет о нем.
Вот он повидался с полмиром
И лишь, поднимая бокал,
Признался за свадебным пиром,

Что лучше ее
Не видал.
И те же слова
Не случайно
Он ей преподнес
В рождество,
Когда она
С гордостью тайной
Делила опалу его.
Пусть набок валилась сторожка,
Пусть крыша сгнивала на треть —
Толченый горох

и картошка

Душе не давали жиреть.
Несчастьем сменялись невзгоды...
Но в том-то и главная суть:
По-разному прожиты годы,
А не в чем себя упрекнуть.
Не ввали и в малой детали,
Ломили порой за троих,
Доносов вовек не писали,
Хотя и страдали от них.
И знали:

не канет в неизвестность

Их правда,

как капля в пыли.

Ведь эту же верность и честность

Их дети вперед понесли, —

И мысли,

и дело,

и слово,

Любым сквознякам вопреки.

Так будьте же вечно здоровы,

Родные мои старики,

В ком часу душа не дремала,

В ком совесть на месте и честь.

...Как жаль,
Что на свете вас мало,
Но как хорошо,
Что вы есть.

* * *

Отцвел анис на ближней горке,
Пахнуло холодом с земли.
Первоначальные восторги
С сиренью вместе отошли.

Ознобным ветром стылой рани
Пронизан запад и восток.
Сгорели маки и герани,
Остался камень и песок.

Ни ясных дней, ни теплых ночек.
Скудна земелюшка, скудна...

Но для моих опорных точек
Как раз такая и нужна!

ПО ЕНИСЕЮ

Суров и своенравен Енисей,
Могучи берега его и порты.
Над всей Сибирью,
Над Россией всей
Его и власть и слава распростерты.
Раздвинула в веках его вода
Надменные Саянские отроги.
А все же о высокие пороги,
Как дети,
запинаются суда.
Наш капитан — ну, что за существо:
Опасность ближе —
а лицо яснее.
Он уважает удаль Енисея,
Поскольку сам характером
В него.
И вот летит —
среди брызг
и облаков.
Перекрывает стон воды:
«Держитесь!»
И махом —
р-раз!
Не капитан, а витязь.
Скакнул,
вдохнул,
гуднул —
и был таков.

И хочется забыть свои года,
Махнуть рукой на вечные вопросы,
Все бросить,
и пойти к нему в матросы,

И не жалеть об этом никогда.

Но все у нас —

пороги и труды —

Иное...

А счастливые порывы —

Они от озарившего обрыва

Высокого присутствия воды.

ВЫСОКИЕ СЛОВА

Я опасался слов высоких,
Не мысля с ними вровень встать.
Покуда в северные сопки
Меня не проводила мать,
Эпоха,

Родина,
Держава...

Как будто за неложный пыл
Я исключительное право
На их аренду получил.
Я охранял их жизнь ночами,
И стало ближе оттого
Уже не просто

их звучанье,

Но и живое существо.
И жестким Временем испытан,
Как Время,

нежен и суров,

Смотрю в глаза ему открыто —
И не боюсь
Высоких слов.

УЧЕНЬЯ

Полк на рассвете поднят по тревоге,
Казарма оглушительно гремит,
И автоматы
В заданные сроки
Разобраны из длинных пирамид.
Вытаскивают ящики наружу,
Мотая вещмешками на горбе,
Товарищи по грозному оружию
И братья по неласковой судьбе.
Они несутся с хлюпаньем по грязи,
В сухой гортани сдерживая хрип,
И ходят на щеках противогазы,
Как жабры задыхающихся рыб.
Весь гарнизон поставлен на колеса,
И, словно в деле с нами заодно,
Деревья маскируются под осень,
А небо — под шинельное сукно.
А вездеходы мелют на опушке
Тенистую лесную тишину.

И дети
Забывают про игрушки,
Когда играют взрослые
В войну.

* * *

Мы моем пол и помним о порядке.
Мы помним здесь о нем, как никогда.
Дежурный нам вручил тазы и тряпки —
Новейшие орудия труда.

Ни разъяснений и ни оговорок.
У моющих полы

в такие дни

Открыты ворота у гимнастерок
И скатаны

пружинами

ремни.

Давно ручей струится меж лопаток,
И, как в пустыне,

высохло во рту.

А вычесть бы:

какой у нас десяток

Квадратных километров на счету.

До дыр истертый

пол уже лоснится.

Но вот сержант —

стараньем знаменит —

Черкает каблуком по половице

И предлагает воду

Заменить.

* * *

Такое катилось над горкой
Огромное солнце в тот день,
Что я распахнул гимнастерку
И сбросил казенный ремень.
Такая река возле мыса
Несла настороженный гул,
Что снял я пилотку,
Склонился
И грозной воды
Зачерпнул.
Такая трава от дороги
Звала,
 зеленая, в лесок,
Что сами
Натертые ноги
Вдруг выскочили
Из сапог.
И я засмеялся беспечно,
В траву молодую нырнул,
Впервые за целую вечность
Легко и свободно вздохнул.
Я жил
В самом верном понятии
И пел в окружении скал.
И к счастью,
За этим занятием
Меня старшина
Не застал.

В снегах с машинами ползти,
Коль, пять шагов на них проехав,
Полсотни —

 надо пронести.

И то, что многим — праздник света,
Нам —

 неразношенный хомут.

...Не знаю,

 как насчет поэтов,

Но дворники
Меня поймут.

Никакую фальшивость и гнилость
Мы с рожденья
Терпеть не могли.
И поныне,
Отнюдь не спесивы,
В назначение верим свое:
Пусть не сделались
Славой России —
Мы не стали
Позором ее...

* * *

Дыхание сбивается опять.
Нелегок воздух нынешнего века.
Всей кожей начинаю ощущать
Присутствие
Чужого человека.
В гостях у друга и в моем дому
Преследует он, тих и безобиден,
И беспокойней втрое потому
И попросту страшней, что он — невидим.
И замечает сердце с давних пор:
Коль тяготит неведомое имя —
Возникший не случайно разговор
Не клеится уже
Между своими.
Томятся сотни из-за одного,
Не молвится ни слова без оглядки.
Повсюду он.
Как будто кто его
Сюда приставил
В приказном порядке.
И каждый день тяжел,
И ночь долга,
И взгляды воспаленные блуждают,
Не видя настоящего врага,
Приглядываться к братьям начинают.
А он ведь только этого и ждет,
Как черная звезда, блуждая грозно.
Его найдут, конечно, в свой черед.
Прозреют все.
Да будет слишком поздно.

...Словно чудом выживший в бою,
У истоков варварства стою.
А уж память вновь напряжена —
В ней гремит вчерашняя война.
Плавится песок, горит броня,
Города — в щебенку — за полдня.

Но и это чуть не благодать
Перед тем,
 что завтра может стать.
Каждый день в огне страстей горим,
Мечемся,
 терзаемся,
 кричим,
Но зато в могуществе своем
В атомном столетии живем.

* * *

Под небом полярным, где глухо и топко,
Стоит на часах караульная сопка.

Над нею плывут облака и туманы,
За ней наблюдают посольства и страны.

И к ней же — на грани взрывного момента —
Прикованы взоры всего континента.

Под сопкой скрипят беспокойные елки
И воют зимой одинокие волки.

Она не задремлет под ветрами с моря,
Поскольку давно в постоянном дозоре.

Бессменно стоять на окрайке болота —
Такая у ней на сегодня работа.

...Давно я, поверив в солдатскую дружбу,
Закончил свою караульную службу.

Но станет порой мне тревожно и знобко,
Лишь вспомнится та заполярная сопка,

Где в гулких казармах, в жаре и метели,
Кленовые годы мои отгорели.

Но как бы ни сетовал я на усталость —
Я нынче в запасе, а сопка осталась.

Я в бороздах резких всю жизнь ее вижу,
Но словом слезливым ее не унижу.

Ведь миру служить — пусть и возле болота —
Достойная в общем судьба и работа.

НАКАНУНЕ ПРАЗДНИКА ПОБЕДЫ В 1952 ГОДУ

В прокоптелых столовках и чайных,
О былом позабыть не вольны,
Собираются —

вроде случайно —

Ветераны Великой войны.
И блюстителей штатных команда,
Незаконных распивок гроза,
На священную их контрабанду
Закрывает терпимо глаза.
Не впервой на веку ветеранам,
В одиночку не ученым пить,
По пустым рукавам
И по шрамам
В незнакомцах
Друзей находить.
Приглушенно прозвякают грани —
И откинет тяжелую дверь,
Погасив на окошках герани,
Черный ветер разлук и потерь.
От разрывов запляшут тарелки,
В рамах треснет,
дымясь, переплет,
И со стен
от ночной перестрелки
Штукатурка крошиться начнет.
Пулеметная очередь сзади
Полоснет,
раскатясь в ивняке, —

И уборщица старая сядет
В уголок,
 вспомнянув о сынке.
Над упавшим
 под Прагою взводным
Втихомолку
 наплачется мать.
Ей никто не напомним сегодня,
Что пора со столов убирать.
Только после —
 такие ж сыночки,
Обманувшие случаем смерть, —
На прощанье
О синем платочке
Ей, забывшись,
 попробуют спеть.
И, не зная,
Чем женщине старой
Отплатить за привет и приют,
Пол-угла опорожненной тары
Да тарелку печенья
 сдадут.
Их проводит она без укору
И, устало платок подвязав,
Незаметно поможет саперу
Подвернуть
У фуфайки рукав.

ПОСЛЕ ВОИНЫ

Не все входили в села с песней,
Кому вернуться привелось...

На битву отправлялись

Вместе,

А с битвы возвращались

Врозь.

Четыре годика отбухав,

Мужья о женах молодых

В селе не собирали слухов —

Им на дом

Доставляли их.

Боясь в сердцах

С руки разделки,

Не рвали с кованцов вожжей,

Но долго

Из одной тарелки

Не ели с вольницами

Щей.

И по-солдатски были правы,

С родимой требуя земли

Такой же памяти и славы,

Какую сами пронесли.

Хлестали спирт —

до отвращения,

По суткам не смыкали глаз.

Видать, наука всепрощенья

Не первым приступом

Далась.

Но, в мирный втягиваясь быт,
Всего, что жжет в душе и теле,
Пусть не умели позабыть —
Зато не поминать
Умели.
А как им помогли года
Увидеть все в разумном свете —
Ни от кого
И никогда
Про это знать
Не будут дети.
Им и своих достанет дел.
И в сущности,
Беда одна лишь:
Ведь как бы разум ни хотел,
А на войну
Всего не свалишь...

ПОСЛЕДНИЕ САПОГИ

Вчера старшина, не коробясь,
Усвоив, что выношен срок,
Мне выдал под личную роспись
Последнюю пару сапог.

На них поглядев мимоходом,
Грустнели опять и опять
Ребята,
 которым три года
До праздника этого ждать.

И я с холодком незнакомым
Подумал,
 робея слегка,
Что вроде дорога до дому
Теперь уж не так далека.

Последняя пара кирзовых,
Скрипучих товарищей новых,
Отделанных как на заказ.
На крепких железных подковах,
Поставленных в угол
 и снова
Примеренных за ночь не раз.

О, сколько подметок и нервов
Пришлось измочалить в пути,

Чтоб к этим, обычных размеров,
Гвардейским сапожкам прийти.

О, сколько еще будет надо
По грешной земле колесить,
Скользить,
 оступаться и падать,
Чтоб их до конца доносить.

Но, преодолевая усталость,
Любимая,
 помни итог:
До нашего счастья осталась
Последняя пара сапог.

* * *

Еще не подали вагоны —
До отправленья пол часа,
И лейтенантские погоны
Так светят в девичьи глаза.
Подшиты с лихостью и тщаньем —
Ну что за форма, что за цвет! —
На пол часа своим сияньем
Они затмили белый свет.
(Ах, лейтенанты, эти франты,
Откуда только в них таланты!)
Он весь как с новенькой картинки,
Веселый взгляд горит огнем,
И, словно свежие кувшинки,
Желтеют пуговицы на нем.
И все-то видел он и знает,
И в книгу части занесен,
И уж, конечно, приглашает
С собою в дальний гарнизон.
Он верит в новую работу
И понимает в службе толк,
Ему доверяют сразу роту,
А может,

даже целый полк.
И у девчонки мысль витает...
«Вот это парень, это — во!»
И как-то просто возникает
Почти что гордость за него.

Вот и забыты домочадцы,
И подают его вагон.
И так ей хочется умчаться
В тот самый
Дальний гарнизон!..
Но ждет родимый дом над речкой.
А время все бежит,
бежит...

И неразумное сердечко,
Как стрелка компаса,
Дрожит.

* * *

Ее детей убили на войне,
Здоровых,
жизнерадостных,

красивых.

С тех пор она живет как бы во сне,
И люди разбудить ее не в силах.

Она встает,

пока не рассвело,

Каким-то важным занята делом,

И, торопясь, уходит за село,

Серьезная,

С лицом окаменелым.

Ее встречают жители села

То в поле,

То в лесу,

То на кладбище...

Она все эти годы

что-то ищет,

Хоть ничего ни разу не нашла.

И, выдержав ее тяжелый взгляд,

Ей улыбнутся женщины со вздохом:

«Как нынче потрудились?» —

говорят.

Она кивает сдержанно:

«Неплохо».

А лишь начнет холодный ветер выть —
Бабенки

С немудреной снедью в блюде

К ней зачатят:
Печурку потопить
Да покормить,
А то сама забудет...
Все кажется им,

меченным бедой:

Какая-то неведомая сила
За всех одной —
Почти самой святой —
Так тяжко отстрадать постановила.
Они ожгут крапивой забияк,
Что вздумают потешиться над старой,
И припугнут, беспутных, божьей карой,
И съежатся нутром,

представив, как

Одна
Вдали от дома своего
Все ходит, ходят женщина седая,
Все ищет, ищет, бедная, чего,
Быть может, и в природе не бывает..

Во всем объеме

и плоти.

Пусть нынче в штатской мы одежде,

Но, поднимаясь в полный рост,

Мы все равняемся,

как прежде,

На свет отечественных звезд.

И рады встречаем оттого так,

Что жизнь

Среди друзей

Люба.

А их роднит

Одна забота,

Одна работа

И судьба.

Если мне роднее Ванька-взводный,
Самый будний
Труженник,
Солдат.
Неказист,
Несложен,
Неухожен,
Неширок в плечах
И невысок.
Грудь свою
Выпячивать не может,
Тянет не на уровне
Носок.
И хотя, со всеми маршируя,
Он глядит старательно вперед —
Не его
Отметят поцелуем
И не он
Эффект произведет.
Нет, таких в реляциях не славят
И, творя мужской окольный суд,
В голову колонны
Не поставят,
В запевалы
Не произведут.
Но когда внезапная тревога
Всех возьмет
Враскрут и в оборот —
На него взирают,
Как на бога:
Ванька-взводный,
Он не подведет.
Неспроста примечена в народе
И его сноровистость,
И прыть:
Он горазд на все,
На все пригоден —

Что окопы рыть,
Что танки бить.
Сутками ломить на батарее,
Вскакивать по выкрику:
«В ружье!»
Лишь перед парадами
Робеет...
Что поделатъ —
Каждому свое.
...Я и сам природою не создан
Для высоких праздников.
И — рад.
Любы мне в рассветной дымке звезды.
Но земля
Милее во сто крат.
И пускай одним вольней на небе,
А другим на море — благодать...

Нам определен
Особый жребий:
Хлеб растить
И землю охранять.

* * *

Матери рожают не солдат,
Матери рожают хлеборобов,
Докторов,
 врачующих хворобы,
Скрипачей,
 что так светло грустят.

Путь ребят осмыслен и велик.
Но однажды
От смычков и книг
Забирают их военкоматы.
Вот и получают — солдаты.

Привыкают мальчики к стрельбе,
Роют землю,
Мерзнут у орудий,
Зная, что солдаты —
 это люди,
Не принадлежащие себе.

Но шинель не навек тяжела,
Парни к пирогам и чайным блюдам —
Нет войны —
 когда-нибудь вернуться,
Только бы судьба не подвела.

Матери ж,
 надеясь, что сынки

Вырвутся под праздник ненадолго,
Чинят их рубашки и футболки
И опять утюжат пиджаки.

Спят.

И снова ждут своих ребят.

Страшно не дожидаться им однажды.

Потому,

любови и мира жаждая,

Матери

Рожают

Не солдат.

* * *

Спасибо, Родина, за эту
Растворенную синеву,
Ветлу,
Повернутую к свету,
Под нею —
Свежую траву.

За смех у старого колодца
И шум у нового крыльца,
За нерастроченное солнце
И уцелевшего скворца.

Спасибо,
 матушка родная,
Спасибо,
 твердь моя и честь,
За то,
 что ты всегда такая,
Какая только ты и есть;

За непохожесть и пригожесть,
За светлый лик,
Прямую статью
И за счастливую возможность
С тобою вместе
Пребывать.

* * *

Худо сплю и замечаю,
Как во сне труба сопит
Да ненастными ночами
Мебель старая кряхтит.
Худо сплю и часто слышу,
Как вдали шумит река
И, шурша,
 за нашу крышу
Задевают облака.
Тени бродят перелеском,
А за тучкой, чуть видна,
Как за ветхой занавеской
Ворожит в ночи луна.
Худо сплю, горю от жажды,
Словно к старости боюсь,
Что, легко заснув однажды,
Больше вовсе не проснусь.
И Земля,
Припомнив бремя
Прежних бурь и прежних битв,
В это тягостное время
Только кажется,
Что спит.

НОЧНОЕ ПИСЬМО ВАДИМУ КУЗНЕЦОВУ

Вадим Петрович,

что-то грустно, брат.

Не потому ль,

что, медленно старея,

Идти вперед все горше и труднее

И поздно поворачивать назад.

Судьбою не приучен я стонать,

Но что-то с каждым днем

В ней больше трещин,

Знакомых — уйма,

А друзей все меньше,

И это, право,

Больно понимать.

А так порою хочется опять

Застольем удалым развеять скуку

И снова попросить на дружбу руку

И крепко,

От души ее пожать.

Зачем же вновь отложены стихи?

В каком опять кружился хороводе?

Ведь силы предпоследние уходят

На сущие в итоге пустяки.

Неужто ждет меня такой удел,

Когда какой-то хлыщ,

Едва зевая,

В твою небрежно сторону кивает:

Что вот-де мог,

Да сам не захотел.

Иначе мы устроены, мой друг,
И помним, где нужны
И где полезны.
Но ты прости:
Я тоже не железный,
Успел —
Поплакал в дружеский сюртук.
Мы не одним живем на свете днем,
Зато одной мечтой и верой дышим,
Веселых писем
По ночам не пишем,
Но и утрами
Тоже слез не льем.

* * *

Распеваю беспечные песни,
Распиваю с друзьями вино,
А душа все равно не на месте:
Что-то нынче случиться должно...
Я еще молодой и везучий,
Не боюсь ни воды, ни огня.
Но какой-то нечаянный случай
Поджидает за дверью меня,
Ходит, бродит, скрипит половицей,
Шевелит уголочки в груди,
Поворчит на меня и позлится:
Он гуляет, а я его жди.
Ох, коты неспроста верещали,
Неспроста дребезжала струна...
Утро было полно обещаний,
Ночь да будет свершений полна!
Выносить не умею томленья.
Случай ходит, как зверь по ножу.
Распрямляю ретиво колени
И навстречу ему выхожу.
Но такая тоска и унылость:
Тихо все под луной и бело.
Ничего, ничего не случилось,
А могло бы случиться, могло!..

* * *

Какая злоба или зависть
Моим друзьям недобрят взгляд?
Вчера почти что лобызались,
Сегодня знаться не хотят.
Зачем вы так в словах натужны
И так напыщенно-чужды?
Пусть я не стою вашей дружбы,
Но я не заслужил
Вражды.
Ни перед злом,
Ни перед лестью,
Ни в счастье кратком,
Ни в беде —
Ни вашим именем,
Ни честью
Не поступился я нигде.
Душа моя, веселый пламень,
В котором я мужал и креп, —
Я ль не делил тебя с друзьями,
Как свежесдобитый хлеб.
И, гордый узами святыми,
Всегда держа открыто речь,
Я мог свое унижить имя,
Чтоб только ваше уберечь.
Но долго мы гневили небо.
Да так, что все спеклось внутри.
Вы воротили нос от хлеба.
Ну что ж!
Грызите сухари...

* * *

В поздних сумерках зимнего дня,
Со спины заходя на дорогу,
Словно кто-то окликнет меня,
И замру я невольно,
И вздрогну.
И шарахнется ветер во тьму,
И заплачет в березах печально.
И тогда я, наверно, пойму:
Этот голос позвал
Не случайно.
Средь огней,
Переставших мигать,
Средь мести не уставшего снега
Этот голос
Напомнит опять
О недолгих путях человека.
И, приблизясь,
У самых ворот,
В двух шагах от желанного света
Он меня еще раз позовет
И замрет,
Ожидая ответа.
И, держась за последнюю нить,
Напрягая последнюю волю,
Чтобы после души не травить, —
Оглянуться себе
Не позволю.

* * *

Тихий вечер, медленный закат,
Мягко шелестящий листопад.
Дремлющие в сумраке поля...
Старенькая родина моя.
Чисто-чисто вымыто в дому.
Только не сидится в терему.
И, пока горит вполнеба медь, —
Так и тянет сняться
И взлететь.
Потому что, кажется, пришла
Силушка в широкие крыла.
Так и тянут —
В небе облака,
Под горой —
Протяжная река.
Черный лес в подсвеченной дали
И над ним — цепочкой — журавли.
В ноздри бьет последний хмель травы,
Но не жаль горячей головы.
Друг пропал
За эту благодать,
Да и мне, видать,
Не миновать.
Потому что, кажется, созрел
Для большой любви
И добрых дел.

Всепобеждающей любви
Всепоглощающее чувство.
Но, может, так устроен быт.
Навек.

И все другое лживо.
А если сердце и болит,
То просто потому, что —
Живо.
И только боль всегда, за всех
Дает возможность оправданья
И ожидаемых утех,
И самого существованья.

Я ДОМОЙ ПОГОСТИТЬ

Я домой погостить.

Потянуло в родную обитель.

Не одни сапоги

измолот я в болотном краю.

Я домой — погостить.

Вы смотрите, пижоны, смотрите

На упругую, с легкой развалкой

лихую походку мою.

Я по городу шествую

в шапке и катанках рыжих,

Весь пропахший сосной.

Излучаю березовый звон,

Шелест горьких осин...

Впрочем, где вам понять это?

Вы же

И траву-то видали

лишь запертой в пыльный газон.

Вам своих гардеробов

вдыхать нафталиновый запах,

Вам с тоскою смотреть в свое завтра,

как в мутную марь,

Вам не слышать вовек,

как, в еловых запутавшись лапах,

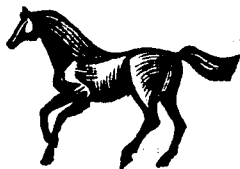
Затрешется вдруг

замечтавшийся, видно, глухарь.

Не ночёвывать вам

ни в стогах, ни в суслонах на поле,

Не встречать с петухами
И по звучным стволам
Не звенеть топором,
Потому глухоманью,
Мне дано это право:
На всегдашние ваши бега
Поглядеть снисходительно.
А на сердце моем
Я иду широко
На отросшей моей бороде
И влюбленные взоры мальчишек,
с боков подрумяненный день
под мужицкие шуточки с солью
рукавицы заткнув за ремень,
где некому выбрать брусники,
с незлою душой мужика
и возню из-за модной пластинки
Даже чуть-чуть свысока.
будто снова скворцы прилетели.
и бедовой не гну головы.
неопавшие звезды метели
что будут умнее,
чем вы.

НЕДОРОСТКИ

Рок зловещий,
Божья ли немилость —
А давно для мира не секрет:
Ничего из вас не получилось
Ни в осьмнадцать
И ни в тридцать лет.
Может, я кого-то обижаю,
Но всегда
И у народов всех
Юноши,
Не ставшие мужами,
Вызывали жалость
Или смех.
Мните о себе, что вы — персоны,
Голубая кровь,
Почти что — знать.
А ведь сами, в общем,
Не способны
Собственного краха осознать.
Хвастая дипломами своими,
Вспомните о клятвах на крови,
Где же ваши подвиги
Во имя
Родины,
Свободы
И любви?
Где они,
Высокие порывы,

* * *

Немного надо человеку
Для радости в конце концов:
Рассветный луч,
Пригоршня снегу
Да полдесятка
Добрых слов.

И он уже готов сорваться
Со всех запретов и диет,
Забыв,
 что вредно волноваться,
Что все засталия
 и танцы
Ему не в пользу,
А во вред.

Уже он полон жаждой счастья,
Уже способен жить и жить.

А мы и те-то крохи
Часто
Ему скупимся предложить.

* * *

Нередко взмывая с размаху
На гребень идущего дня,
Я думаю с болью и страхом:
Надолго ли хватит меня?
Забыта средь грома и шума
Торжественность звездных ночей,
И некогда стало подумать,
И кто ты такой,
И зачем.
Из гари и пыли недаром
К березке,
К реке,
К шалашу,
Как будто дитя из пожара,
Я душу свою выношу.
И там в одиночестве с нею
Опять покаянно шепчу,
Что жить, как я жил, — не хочу,
А жить, как хочу, — не умею.
И, чувствуя светлую зависть
К сынам колокольных веков,
На лапник душистый склоняюсь
И плачу и плачу легко...
Потом засыпаю, сквозь слезы
Себе успевая шепнуть,
Что утром
Река и береза
Наставят на истинный путь.

* * *

Ничего не требуя от бога,
Уважая землю и траву,
Со своей заботой и тревогой
Под созвездьем Радости живу.

Правда,
 без хлопот и песен женских
Уставая киснуть и чернеть,
Все топорщат крылья занавески
И грозятся с окон улететь.

Только знаю:
 поздно или рано,
Наскучавшись в призрачном раю,
Убежит краса лица с экрана
В комнатенку бедную мою:

И запахнет утро чистым снегом,
Зайчиком запляшет на стене,
И пожить любимым человеком,
Может, посчастливится и мне.

А распорядится по-другому
Подлая судьбина на беду —
Все равно к ночному водоему
С кирпичом на шее не пойду.

Укрепляя нервы не на треках,
Сквозь огни и грозы,
 пряником,

Мы ходить по жестким травам века
Выучены с детства
Босиком.

И в любую стужу и ненастье
Так же дни и ночи напролет
Мы искать до смерти будем счастье.
А несчастье
Нас само найдет.

* * *

Третий гудок подал пароход,
Пробил заветный час.
В жизни моей настал поворот,
Может, в последний раз.

Старая пристань, новый ларек,
Пыльный подъем пути,
Чья-то улыбка, чей-то упрек —
Все уже позади.

А впереди,
 у сосновых гряд,
Там,
 где горят огни,
Чайки осенние так кричат...
Что мне сулят они?

В рубке матросик рубку включил,
Вспыхнул на мачте свет —
Все убеждает, будто причин
Для беспокойства нет.

То же стремленье вдаль — без толчка, —
По берегам кусты.
Только на небе ни облачка
И — ни одной звезды.

ЧАША

С жизнью в жмурки не играю.
Сознаю теперь вполне:
Чашу,
 полную до края,
Предстоит испить
И мне.

Тяжела литая чаша,
Предначертанный сосуд.
Но такая доля наша —
Легче нам
Не подают.

Не откинешь, не отменишь,
Не отложишь наперед,
И с друзьями не поделишь,
Потому как в ней не мед...

Что бранить судьбу-присуху,
Распалять напрасно пруть.
Набирайся лучше духу,
Чтоб кровей не посрамить.

Пусть потом невзвидишь солнца.
Не твоя на то вина,
Что испить ее придется
Одному.
И всю до дна.

* * *

Замечаю давно за собой:
Средь хлопот о жилище и пище
Не забуду в поездке любой
Посетить на прощанье
Кладбище.
Словно места удобнее нет,
Где бы в сердце,
Как высшая милость,
Снизошел примиряющий свет
И душа в нем сама
Растворилась.
Между старых оградок брожу,
Все сильней и острее тревожась,
И фамилии чьи-то твержу,
И вздыхаю невольно,
И ежусь.
Белый мрамор,
Да темный гранит,
Да в крестах бугорки небольшие...
Пусть родня моя здесь не лежит,
Но и эти мне —
Разве чужие?
Нас единая сблизила кровь,
И рубцы грозовые на коже,
И бессмертная к жизни любовь,
И смертельная ненависть — тоже.
Потому так и тянет сюда,
Где, застыв на стремительном вздохе,

Каменеют лихие года,
Бронзовеют крутые эпохи.
И слышней здесь,
Как, воздух сверля,
Пробивается новая сила.
И летит в мирозданье Земля —
Колыбель наша,
Жизнь
И могила.

* * *

Наконец я пришел к тишине,
Удостоился высшего блага.
Ходят мягко часы на стене,
Дотлевают рябина в окне,
И сопит у порога дворняга.

Позади бестолковые дни,
Духота предстоящей разлуки,
И угрозы,
И слезы родни,
И вокзальные — с дрожью — огни,
И глаза твои,
Полные муки.

Все осталось на том берегу,
Пусть живет и цветет, ради бога.
Лишь одно для себя сберегу:
Ясный полдень
Да след на снегу.
Мне для счастья
И этого много.

Буду слушать шептанья волны,
Мокрых листьев касаться щекою,
Дождаться восхода луны...
Ах, как много кругом тишины!
Вот еще бы немножко
Покоя...

* * *

Ничего не приходит на память,
Кроме речки, бегущей легко,
Да старушки с сухими губами,
От избытки которой
Утрами
Мы носили домой молоко.

А ведь были и важные лица,
И банкет над озерной водой.
Но запомнился больше
Возница
И еще бесполезная вища
Над его лошадежкой худой.

А гремели высокие тосты,
Что касались небес и земли,
И хоть были гигантского роста, —
Как возникли в сознании просто,
Так оттуда легко и ушли.

А старушки лицо восковое
И возницы ошипанный прут
Над кобылей худой головою, —
Как задели тогда за живое,
Так теперь и болят
И живут...

* * *

Не поминаю о летах,
Но говорю ровней и тише
И слушаю весенних птах
Так,
 словно больше не услышу.
Брожу по мокрому лужку,
Все не сворачиваю к дому,
Как будто больше на веку
Уже не гуливать босому.
На огнеликую зарю,
Утиный лет,
Щенячью шалость —
На все, на все давно смотрю,
Как будто бы со всем прощаюсь.
Жадней поэтому,
Жадней,
Всей кровью чувствуя Россию,
Слежу раздольный бег саней,
Дышу черемуховой синью.
И все ж у жизни на краю
Пойму, что —
 как я ни старался —
Не насмотрелся на зарю
И синевой не надышался...

* * *

И снова во мраке осеннем
Заплакала в роде труба...
Какое-то мне потрясенье,
Похоже,

готовит судьба.

Не зря ледяными ночами,
Что так беспросветно слепы,
Медведем разбуженным

Память

Встает предо мной

На дыбы.

И в этом напрягшемся мраке,
Что к самому сердцу приник,
Проступят зловещие знаки
И кровь остановят на миг.

Встревожен грядущей вестью,

Почувствую,

Как полынью,

Что, может,

прощальную песню

Сегодня на людях пою.

Но всеми покинутый берег,

Но всеми заброшенный сад

И с этой последней потерей

Меня наконец примирят.

МОЛИТВА ВЕКОВ

«И снова мор, и снова глад,
Округ разбой да пожары...
О господи,
Я виноват
И не бегу от вышней кары.

Ни воевод,
 ни пастухов
Не осеняет божья милость.
У мира, видимо, грехов
Опять чрез меры накопилось.

Пусть камни валятся,
 свистя,
На наши грешные седины.
Но, господи,
Не мучь дитя,
Оно пока ни в чем невинно...»

ГОВОРУНЫ

Такие собрались говоруны!
У них свои повадки
И припадки:
Еще не влезут поутру
В штаны,
А уж вещают
О миропорядке.
Слова, слова...
Всю жизнь — одни слова.
В таком-то веке, сложном и суровом...
А так болят
Душа и голова,
Коль нету ничего
За нашим словом.
Говорунам неведом тяжкий труд —
Ворочать в сердце слово,
Точно глыбу.
Поэтому они и не пойдут
Ни в пекло за него
И ни на дыбу.
Но уж зато родная наша речь
Тех, кто пустыми ведрами грохочет,
Не только не захочет
Уберечь,
А даже всуе
Вспомнить не захочет.

* * *

Курицы пытаются летать,
Напрягают силы и рассудок.
Курам не дает спокойно спать
Слава лебедей и диких уток.

Сколько взвито пыли и песку.
А хотя б на шаг поближе к цели!
Слишком, видно, много на веку
Хлеба дарового
Переели.

Скоро блажь пройдет, как странный сон.
Перышки улягутся на место.
Ведь домашним птицам не резон
Рисковать обсиженным насестом.

Куриц не тревожат облака,
Не томят неведомые дали.
Курицы поэтому пока
Выше огорожи
Не взлетали.

* * *

Костер,
 в котором мы горим, —
Гори,
 не гасни.
Под небом грозным и рябым
Ты —
 вечный праздник.
Как на смертельном вираже
Заходит сердце!
Ведь мы с рождения уже
Самосожженцы.
И в нашей собственной крови,
И в нашей доле
Костер тревоги и любви,
Борьбы и боли.
Он жжет и мучит каждый час,
Не зная сроков.
Но скрыты от сторонних глаз
Следы ожогов.
Чтоб оттянуть глухую ночь
И чтоб не гасло,
Мы в тот огонь подлить не прочь
И сами масла,
И жаль нам тех,
 кто даже дым
Втянуть боится.
А о сгоревших говорим
Как о счастливцах.

* * *

Мечется душа туда-сюда
В обруче замкнувшегося круга:
Тяжело предательство всегда —
От жены явилось
Иль от друга.

Нынче снова в жизни вышел клин.
Но прожиты годы
Не напрасно:
Ничего,
 что снова ты —
Один,
Впереди,
По крайней мере, —
Ясно.

* * *

Дожди не гремят по железу.
Но осень —

хоть с виду тиха —

Под крышу сентябрьскому лесу
Пустила гулять петуха.

И, глядя с отчаяньем в пруд,
На грани последней надежды
Пылают березы
И рвут
С себя

дорогие одежды.

Но в горькие ночи без сна
Все шепчут,

ветвями колыша,

Что будет на свете весна
И будет
Зеленая крыша.

* * *

В лесу,
 как в хорошем дому, —
Живи,
 отдыхай.
 и усердствуй:
Отраднo и вольно — уму,
Раздольно и радостно — сердцу,
Опоры жилища крепки,
Основы его неизменны,
Не давят с утра потолки,
Не жмут просмоленные стены.
И мы — лишь рассеется тьма —
Все чаще, смелей и охотней
Свои покидаем дома,
Чтоб в этом вздохнуть посвободней,
От скуки былой —
 ни следа,
От счастья мурлычем и млеем,
Но что же нас тянет сюда —
Понять до конца не умеем.
А свет наливается здесь,
И звук серебрится и тает.
Здесь жизнь неподдельная есть,
Которой нам так не хватает...

* * *

Не оглянусь,
Когда в наплывах света,
Взвивая пыль,
Дразня шальных собак,
По столбовой дороге трафарета
Промчится поэтический рысак.
И второпях — в горячке — слава богу,
Стремясь лихого всадника догнать.
Не заспешу отправиться в дорогу,
Не стану своего коня седлать.
Да, я всегда вставал на голос песни
И тоже не привык ходить в обход,
Но, видно, я с рожденья не наездник,
А самый заурядный пешеход.
И я уйду, притихший, молчаливый,
К реке,
К траве,
В вечерние луга,
Где сохнут обездоленные ивы,
Где мокнут одинокие стога.
Увижу, как вдали дрожит осинка,
Как снова собирается гроза,
Как под ногами мечется былинка —
И слово навернется,
Как слеза...

КОСАЧ

Раскатист в апрельском морозе,
От крови взывавшей горяч,
На самой высокой березе
Заходится в страсти косач.
От нежности к голенькой кочке,
От веры горластой в судьбу
Почти распускаются почки
В набитом до звона зобу.
Звучит на заре поднебесье,
Но доля певцов тяжела:
На каждую новую песню
По три браконьерских ствола.
Косач горячится, не зная,
Что в тихое утро весны
У первого в жизни признанья
Минуты уже сочтены.
Не в силах сдержать вдохновенья,
Законам земным вопреки
Он верит:
На песнь откровенья
Никто не поднимет руки.
Неопытных лет пережитки...
Душа, восхищайся и плачь:
Твой повторяет ошибки
Башку потерявший косач.

ГРОЗА

Громыхает спереди и сзади

Озаряет впадины и высь.

И уже — гляди! —

к твоей оgrade

Огненные стрелы понеслись.

Так тряхнет,

Что выпучится омут,

Так сверкнет,

Что вскроется зенит.

Либо нынче голову проломит,

Либо вообще

Испепелит.

Хлопают листы гремучей стали,

Всюду темень, слякоть, гарь и дым.

Словно никакой озерной дали

Нет за частоколом дождевым.

Полоса поваленного хлеба,

Старая береза — пополам.

И пока не знаем:

Завтра небо

Что обрушит

На головы нам.

СОЗНАНИЕ

Оно на сердце давит тихо молком
И проступает бледностью лица,
Сознание неисполненного долга
В предчувствии грядущего конца.

С ним вместе жить
Тревожно и остудно
И невозможно
Жить не заодно.
Оно, конечно, каждому доступно,
Но, видимо, не каждому дано.

Оно мешает спать,
Мешает думать,
Заката злато
Превращает в медь,
Глядит в глаза
Спокойно и угрюмо
И не дает ни жить,
Ни умереть.

* * *

Нет, видно, надо умереть,
Чтоб — равнодушная сначала —
Законодательная медь
Тебе во славу зазвучала.
Спалить себя,
Спалить дотла,
Чтобы друзья,
С трудом пьянея,
Признали, сидя у стола,
Что в мире стало холоднее.
И до конца
Жене твоей
Раскроет лишь твоя могила,
С кем подняла она детей,
И ела хлеб,
И кров делила.
Так все на должные места
Становит смерть рукой холодной,
Когда последняя черта
Подведена бесповоротно.
Но — боже мой!
И так всегда —
Стремимся, рвемся сдуру, с пылу...

А смерть
Докажет без труда,
Что целой жизни
Не под силу.

ЗАКЛИНАНИЕ

Памяти Р. А. Шамаева

Гудят прощальные ветра,
Дрожит округа.
Березка, умница, сестра,
Верни мне друга.

Дорога, рвущаяся вдаль,
Тропинка луга,
Неужто вам меня не жаль?
Верните друга.

Земля с крестами на горбе,
В следах недуга,
Зачем он, милая, тебе?
Верни мне друга.

Но глухи все:
Деревья, пни,
Поля, округа...
Как будто в жизни все они
Не знали друга.

Скажи мне, мать,
Скажи, отец,
Скажи, подруга:
Ведь должен кто-то наконец
Вернуть нам друга...

* * *

Пришли опять такие дни,
Где все не близко и не родно,
И жмут они,
И гнут они,
И не дают вздохнуть свободно.

Не для тебя шумит река,
И под росой дымятся травы,
И проплывают облака,
И распускаются купавы.

Я не писал бы горький стих
На дни житейской непогоды,
Когда б,
 в конце концов,
Из них
Мои не складывались
Годы...

* * *

Надежды падают, как звезды,
В колодец непроглядной мглы,
Где глух и вязок

тесный воздух

И стены скользки и гнилы.

И я порою чуть не плачу,

Потупив в горечи глаза:

«Еще одной звездой, значит,

Беднее стали небеса».

Но есть у молодости свойство,

Что можно смело приравнять,

По сути,

К подвигам геройским:

После любых потерь —

Вставать.

И смотришь — где былая хлипкость?

Глаза открыты и чисты,

И та же на губах улыбка

Доверия и доброты.

И бездна планов, как и прежде,

И каждый

прежнего смелей.

...И в новых звездочках надежды

Все небо юности моей.

* * *

Опять подули северные ветры,
На крыше вновь захлопала доска,
И стали протяженной километры,
И стала обостреннее тоска.
Взойду с трудом и гляну с косогора,
И снова поразит знакомый вид:
Рябина у разбитого забора
До ниточки промокшая стоит.
За ней понуро тянется к опушке
Копытный след меж опустевших гряд,
Что, одиноко выйдя из конюшни,
Уже не возвращается назад,
Какая грусть над выдохшимся полем,
Над спинами ободранных раки...
Смиренный лик далеких колоколен
Мелькнет и впечатленье довершит.
Линялые клочки осенних пожен
И в прошлогоднем мусоре овраг...
Куда пойти? Везде одно и то же.
Одно и то же: слякоть, дождь и мрак.
Но как ни одиноко над оврагом,
А торопиться незачем в отлет,
Когда за этим холодом и мраком
Тебя никто не помнит и не ждет.
Вовсю шумит и стонет холодина
И новыми разбоями грозит.
Но жизнь моя, как тонкая рябина,
Под ветром хоть и гнется, а стоит.

БЛАГОДАРНОСТЬ

В такое глухое ненастье
Не может никто мне помочь,
И я с опасеньем и счастьем
Предвижу бессонную ночь.
Опять заволнуются ели,
Часы прозвенят невпопад,
И возле горячей постели
Шальные снега засвистят.
И сквозь расстоянья и муки
Проступят в нетленности всей
Почти позабытые звуки
И лица ушедших друзей.
Ах, сколько вас, господи боже,
Лежит за печальной резьбой,
Кому я обязан, быть может,
И честью своей,
И судьбой.
Не вы ли меня обучали
(Хоть дело отнюдь не в речах):
Пусть опыт
Стоит за плечами,
Но пусть не висит
На плечах.
И, зная решимости цену,
На Время смотрели в упор,
И лезли, коль надо,
На стену,
И шли, не свернув,

На костер.
А следом, прошедший крещение,
Открыто,
У всех на виду,
И с гордостью,
И с восхищеньем,
И твердо за вами иду,
За ваши святые идеи,
За ваши благие дела
Я отдал бы все,
Что имею,
Да плата
Ничтожно мала.

* * *

Мои долги подсчитывал собрат.
И думал я — уже не без причины:
Не зря его устраивали в сад
И в школе арифметике учили.

Как нравилось ему слова крутить,
Вообразив себя судьей со стажем,
И с паузами
Мерно говорить,
И превосходство чувствовать
Над старшим.

Нет, он не из пустых воображал,
Он чужд высокомерию и барству.
Но я катастрофично задолжал
И матери,
И даже государству.

И в голосе его звучал металл,
Слова едва влезали в рот: большие.
Но сладко обнажать долги чужие,
Пока своих еще
Не осознал.

В МУЗЕЕ

Собраться, не сказавшись никому,
Уйти от всех теорий и утопий
И наконец остаться одному
Средь этих черепков,
Кольчуг
И копий.
Разглядывать посеченную медь,
Заточенный с концов
Звериный коготь,
На бивни ископаемых глазеть
И даже — для спокойствия — потрогать.
Уйти в доисторическую глушь
И тут же в эру новую вернуться,
Печально улыбнуться,
И к тому ж
Ничтожности своей же
Ужаснуться.
Вглядеться в камни древние опять,
Заметить чье-то имя на браслете,
И только потому признать
Бессмертье,
Что с этой мыслью
Легче умирать...

* * *

Река работала,
Как лошадь,
В оглоблях тесных берегов.
Она несла такие ноши,
Что мыло падало с боков.
Косилась охровая осень
На вороную масть воды,
И, как несмазанные оси,
Скрипели грузные плоты.
Река пыхтела от натуги,
Но все же, гордая судьбой,
Мосты железные,
Как дуги,
Несла высоко над собой.
И плотогоны в кепках пегих,
Со лба стирая пот рукой,
Стояли,
Будто на телеге,
Расставив ноги широко.
Река несла свой жребий стойко
И продолжала трудный путь,
Мечтая в бухте,
Словно в стойле,
Хотя б часок
Передохнуть.

ДЕРЕВЬЯ

Отношусь к суеверьям с большим недоверьем
Но опять слышу я

сквозь густой листопад:
Будто души загубленных мною деревьев
Под окошком моим, негодуя, скорбят.
На дорогах,

где грязью за волоком волок,
Чтоб трехтонку продвинуть на лишний увал,
Я по локоть

откручивал руки у елок
И по талии

с хрустом березы ломал.
В сотый раз уморясь на проселках осенних,
Я старался не думать про совесть мою,
И рябине вонзал я топор под колени,
А потом сапогами вминал в колею.
Как молилась осинушка в страхе великом!
Но без лишней тащил я ее суетни,
И она

запрокинутым теплым затылком
Колотилась, обмякнув, о кочки и пни.
Я чернел.

Но деревья поникшие — снова
Я валил,

хоть и знал, что под небом глухим
Всем, что в душах у нас и осталось святого,
Мы обязаны в первую очередь

им.

* * *

Леониду Беляеву

О, если б мы,
Добры и чутки,
Смогли увидеть на момент
В сосне
Не будущие чурки,
А музыкальный инструмент.
В благодарении за светлый,
Хотя и мимолетный,

взор

Она настроила бы ветви
На очищающий минор.
И, золотясь на свежей мете,
От счастья таяла б смола,
Когда бы мягко взялся ветер
За гриф певучего ствола.

Но все не тем забиты души.
И потому который год,
В себе обиженно замкнувшись,
Сосна шумит,
А не поет.

* * *

Откуда сразу столько света
И хмельной благости святой?
А это выходило лето
И стало брагой золотой.
От проясняющихся далее
Легко кружится голова
И пеной в кружках

опадает

С прощальным шелестом
Листва.

А за примолкшею опушкой
Уже под вербушкой одной
Ледком прихвачена речушка,
Как будто первой сединой.
Но, поражая,

этот даже

Пророчески-печальный вид
Уму собою много скажет,
Но разве душу отрезвит?
Томится сердце новой силой,
И перед осенью опять,
Как перед женщиной красивой,
Вдруг хочется
Красивым стать.

* * *

Я не заживусь на этом свете.
Не случайно кажется:
Вот-вот
И меня,
 рванув,
 осенний ветер
Заодно с листвою
Унесет.
Полечу я над знакомой лужею,
Над своей мелеющей рекой,
Скомканный такой
И неуклюжий,
Грустный
И растерянный такой,
Но взнесет меня порывом мощным
В самый тот,
Заоблачный предел,
Чтоб в последний миг
Земные рощи
Я с высот небесных
Оглядел.
Со слезой,
Но только без укора,
Словно пребывая во хмелю,
Эту жизнь,
Минувшую так скоро,
Я в последний раз благословлю.
И увижу,

Как, раскинув крылья,
Птицей золотой
Взмывает Русь.
Но последней радостью открытья —
Жаль! —
Уже ни с кем
 не поделюсь...

ВОЛКИ

Около высохшей елки,
Возле пустынного пня
Топчутся старые волки,
Ждут-поджидают меня.
Ни изготовки к атаке,
Ни завыванья в тиши...
Спроста посмотришь —
Собаки
Самой безгрешной души.

Но не досужие толки —
В силе не главная статья.
Вот научились и волки
В добрые шкуры влезать.
Как убедительно встали,
Как отработали взгляд!
Чуть не виляют хвостами,
Чуть от любви не скулят.

Но на такую наживку
Мне попадаться грешно,
Я узнаю по загривку
Волчью породу
Давно.

Два стосковавшихся братца,
Зубы и когти —
на ять.

Жутко вперед подвигаться,
Поздно назад отступать.
Сжать топориче заране,
Левую руку —

к ножу:

Я на такие свиданья
С полóй полóй
Не хожу.

* * *

Была беспокойная ночь.
Вдали пароходы кричали.
И ветер не мог превозмочь
Своей предосенней печали.
Над берегом билась ветла,
И в небе,
Прогнутом,
 как парус,
Упруго гудевшая мгла
Слабела
И вновь напрягалась.
И чье-то визжало весло,
А там,
 за глухим перевалом,
Сверкало, и воздух трясло,
И молнии в землю вбивало.
По хвое порывистый вал
Катил тяжело и тревожно.
А сын мой,
Как праведник,
 спал —
Как в детстве лишь только возможно.
Заснуть бы и мне под сосной,
Надеясь на высшую милость.

Но все, что творилось с землей,
С душою уже сотворилось...

Вытащит
 и душу заодно.
И пускай опять,
 сомненья сея,
Не признают скептик и ханжа,
Что была обязана спасеньем
Телу неразумному
Душа.

БЕССМЕРТИЕ

Неосторожный взгляд,
намеки ли,
слово

В сердцах
Ему любой припоминал
И обижался,
Будто на живого,
Хоть он давно взошел
На пьедестал.

Опять вовсю наушничают сплетня,
Брюзжит в углах ожившая молва.
...Хоть у его подножия
Столетия
Сгорают,
Как опавшая листва.

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

За долгие годы скитанья,
Обид, наговоров, невзгод
Впервые
Такое вниманье
Сегодня ему
И почет.

В костюме непривычно наряжен,
В переднем углу положен,
Молчит в удивленье
И даже
В каком-то смятении
Он.

Вот вздохи соседки раздались,
Вот всхлипнула вроде вдова...
Но — главное! —
В личный свой адрес
Он теплые слышит слова.

Но доброе слово едва ли
Поправит чего-то в дому:
Живому
Его не сказали,
А мертвым
Оно ни к чему...

ГОНКА

Лихачи,
Современные парни,
Стала треком родная земля...
Ваша кровь
Моментально вскипает
И шалееет
При виде руля.
Вы несетесь по ранним росинкам,
По корням
 и остаткам дождя,
На своих дорогих керосинках
Неуклюже и цепко сидя.
Ревом труб
Заглушаются фразы,
Перекошен старанием рот.
Выхлопные синюшные газы —
Дорожающий ваш кислород.
Краски смазаны,
Линии смяты,
Воды словно бы движутся вспять.
Так вы жмете на газ,
Горлохваты,
Словно счастье решили догнать.
Все мне кажется...
Иль в самом деле:
В дни,
Клейменные адским огнем,
За рулем родились вы,

Созрели,
И состаритесь вы
За рулем.
Только небо не станет лазурней,
И не станет спокойней в груди.
То, за чем вы гоняетесь,
Дурни,
Безвозвратно...

давно...

позади...

КАЧЕСТВО

Не давите на грудную клетку,
Не сводите пафоса к нулю.
Я и сам
Борюсь за пятилетку,
Потому что
Качество люблю.

Не смекаю семужью икорку,
Не молюсь набитым коробам.
Пóтом заработанную корку
Предпочту
Сомнительным хлебам.

Не храбрюсь,
Что все и всем открою,
Не хлещу себя
Хвастливо в грудь.
Гулкое молчание
Порою
Тоже, верно,
Стоит что-нибудь.

Надоело вечное бряцанье
Словесами, портящими вкус.
Самое прямое отрицанье
Разумею я
Со знаком плюс.

Мелем о зарплате да доплате,
А в основе — что там ни пиши —
Качество единственных понятий:
Совести,
Сознания
И души.

* * *

Столбом стоит и пыль и дым! —
То мы —
 лишь вместе соберемся! —
О совершенстве говорим
И о гармонии печемся.
Шумим, наверно, на версту,
Опять завидуя,
 как дети,
Тому кленовому листу,
Что жарко вспыхнул на рассвете;
И тем,
 явившимся из мглы,
Снежинкам в блеске зимней славы,
Той неприступности скалы
И обреченности купавы.
Поют синицы у виска,
Звенит прибрежная осока...

О, как гармония близка,
И как тоска по ней жестока!

И снова, гордые умы,
Ее,
 светясь и хмуря лица,
В себе воспитываем мы,
Хоть с нею надо бы
Родиться...

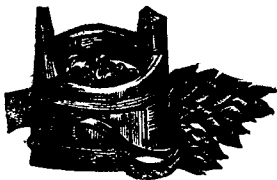

* * *

В дни покоя и годы труда,
Что даруют судьба и Отчизна, —
Ожидаема радость всегда,
Хоть всегда коротка
И капризна.

Встрепенусь,
Закружусь,
Засмеюсь:
Наконец-то!
И складно, и ладно!
Надоела
Вселенская грусть,
Как порой ни чиста,
Ни отрадна.

Радость высветит золотом даль.
С этим чувством ясней и беспечней.
Только верю я больше
В печаль,
Потому что она —
Долговечней...

* * *

Уже горит звезда над перекатом,
И ярче освещаются они —
Мои бесперспективные закаты
И бестолково прожитые дни.
А грузные,
Как будто из металла,
Идут за годом год,
За годом год.
Я стал взрослей,
Но проще мне не стало,
Я стал сильней,
Но легче не стает.
И, забывая прежнюю науку,
Я всякий раз, мрачней и бодрясь,
Напраслину,
Измену
И разлуку
Переживаю,
Словно в первый раз.
Но верю в очищающие утра
И дальние дороги без помех,
И утешаюсь мыслью самой мудрой,
Что я живу пока
Не хуже всех,
Что есть в моей судьбе
Свои закаты,
И ширь,
И даль,

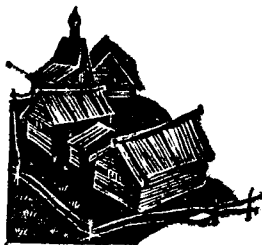
И бездна,
И зенит,
И неспроста
Звезда над перекатом
Так ярко
И встревоженно горит...

Закружится хмель,
Как в полях метель,
Ахнут острые каблуки.
И под этот пляс
На обоях враз
Зацветут, шумят васильки.

Но в последний миг
Вдруг раздастся крик,
Неотесанный крик такой...
Загудит в трубе,
Засквозит в избе,
И залают псы за рекой.

Мужички войдут
И с собой внесут
Запах курева и кобыл.
«Ты чего лежишь,
Потолок коптишь,
Как друзей встречать, позабыл».

Я сползу с печи,
Отыщу ключи
И полезу, ворча, в закут.
«Чтоб вас черт побрал,
Чтоб вас пес подрал —
И во сне вздохнуть не дадут».

* * *

Не найду я защитного средства,
Чтоб,
 избавив от лишних тревог,
Словно поезд,
 мелькнувшее детство
Не вбивало мне в спину гудок.

Чтоб под звездами,
 невозвратимо
Яркий свет пронося на весу,
Оседающим угольным дымом
По ночам не щипало в носу.

Не скрываю поэтому зависть
К воркотне голубиных годов,
Поджидая,
Люблю и пугаюсь
В детство мчащихся поездов,

Вновь по памяти солнечным рельсам
Унесут они в мир золотой,
Чтобы я, просияв, отогрелся
У костров восхищенности той.

По горушкам веселья полазал,
Овеваем цветочной пылью,
Набродился по ельникам сказок,
В речке ясности вымыл лицо,

Чтобы после
Средь блеска и шума,
Средь довольства,
торжеств
и похвал

По наивности
Я не подумал,
Будто лучше
Вовек не живал.

* * *

Роса лежит на озими
Туманна и легка
И первыми морозами
Не пугана пока.
И под случайным солнышком
Среди остывших вод
Какой-то пароходишко
Нет-нет да промелькнет.
Все круче ветры встречные
В приречной полосе,
И в роще птицы певчие
Замолкли,
Да не все.
И с грустною улыбкою
Я думаю опять,
Как это время зыбкое
Подольше удержать:
А вдруг
Нежданным козырем
Пройдет над полем хмель,
Иль над притихшим озером
Шальная грянет трель.
Пусть веточка потянется,
Посмотрится в окно...

Ведь все, что дальше станется,
Нам ведомо давно.

* * *

На громовом аэродроме
Гудят, вращаются винты,
Чтоб мир во всем его объеме
Открылся взору с высоты.
И вот она — с высот полета
Земля и деда и отца,
Которой даже с самолета
Не видно края и конца.
Освещена лучами солнца,
Повита дымками легенд,
В болотных блещущих оконцах
И вензелях шоссейных лент.
Земля — широкий луг в разгоне
И тени слабые в лесу,
И это — словно на ладони —
Святое озеро внизу.
Во всем величии и славе,
Как будто всплыв со дна веков,
Сверкает в золотой оправе
Своих песчаных берегов.
А дальше, между ржавых кочек,
Под бывшей хвойною стеной
Реки усталой позвоночник
С заметной сверху кривизной.
Дивясь,
лечу над бурным веком,
Тревожно вглядываюсь в даль.
Не заметет веки снегом

Ни радость эту,
Ни печаль,
Что будут в памяти вертеться
И застить влагою глаза...
Зачем же я
С моим-то сердцем
Опять полез на небеса!
Тянулся ввысь, почти пьянея,
Жил ожиданьем столько дней...
Оттуда, правда, все виднее,
Но не скажу, что — веселей.

ПРАЗДНИК НА ПЕЧОРЕ

Будет все:

И любовь, и ночлег на соломе,
и совет...

А пока

Не желают товарищи коми
Понимать моего языка.
Но потом согреваются чаем,
Задают за вопросом вопрос,
Старшим братом меня величают,
И, похоже,
Порою всерьез.
Обнимаются,
врут,
гоношатся.

Я с улыбкою слушаю их:
Старшим братьям
Нельзя обижаться
На проказы и шутки
Меньших.
Ведь не ради же славы комолой
Я готов, как сегодня, и впредь,
Распахнув на ветру свои полы,
Всех и ближних и дальних согреть.
Потому —

как велось и ведется
На российской земле испокон —
Никакой холодок превосходства

Не касается наших сторон.
Спорим мы о боях и походах
О превратностях разных дорог.
Где-то в прежних непонятых годах
Начинается наш диалог.
Терпеливо я слушаю снова
Полусвязный хмельной разнобой,
И по праву
Последнее слово
Оставляю —

к утру —

за собой.

И, напившись полночного чаю,
Я ложусь,

ни о чем не скорбя.

И на тысячу лет ощущаю

И разумней

И старше себя.

* * *

Еще в волнах
Взыграет блеск и удаль,
Еще лазурь
Проглянет на момент,
Но с каждым днем
Вода идет на убыль,
И с каждым днем
Идет на убыль
Свет.
И, глядя вдаль
С расшатанного пирса,
Я говорю
Внушительно себе:
«Не слишком ли ты поздно
Спохватился,
Чтобы менять
Колесики в судьбе?
Коль рассудить,
В житейский смысл вникая,
И поглядеть на быт
Издалека,
То все-таки
Какая никакая,
А мелется и мелется
Мука...»
Не умаляю
Добрых старых истин.
Но что поделать,

Коль противу их
Я возжелал
Не только ржавых листьев,
Но и,
 простите,
Яблок золотых.
Но что поделать,
Если кровь такая
И ей чужда
Житейская тщета.
И к безрассудству
Полночи толкают,
И к жертве
Призывает красота.
Жива тоска
По дальним диким тропам.
И все-таки
Я правлю на большак.
И сердце
С бесшабашного галопа
Перевожу
На выверенный шаг.

Еще живется
Солнечно и звездно,
И не страшны
Любые тупики.

Но пусть себе внушают
Слабаки,
Что ничего и никогда
Не поздно.

* * *

Эх, бывало, собирался я скоро...
Только вспыхнет вдали небосвод
И зеленой звездой семафора
В путь-дорогу меня позовет.
Натяну на затылок панаму,
Посижу у родного огня,
Поцелую хорошую маму,
И — простите, мадамы, меня.
Все равно — что Печора, что Волга,
Что телега и что самолет.
И неважно, куда и надолго ль,
Лишь бы только вперед и вперед.
...Вспоминаю минувшее свято,
Оседлав боковую скамью,
А вокруг молодые ребята
И галдят, и поют хриповато,
И смеются, и рвутся куда-то,
Повторяя наивность мою.
Пляшут так, что девчонки шалеют,
Смотрят так, словно черт им не брат.
И гитаре, как кошке, на шею
Нацепили малиновый бант.
И мурлычет она, и трезвонит
Про задумчивый край голубой,
И томится, и стонет в вагоне,
И меня зазывает с собой.
Я смотрю на мальчишек лукавых:
А, пожалуй, ребята, вы правы, —

Ваше счастье, быть может, и в том,
Что всегда вы легки на подъем.
И не зря,
Приглашая в дорогу,
Вы тревожите песней хмельной.
Я и сам собирался, ей-богу,
Напоследок тряхнуть стариной.
Возражений особенных нету,
Между нами года — ерунда.
Я поеду,
Конечно, поеду.
Но сначала узнаю —
Куда...

РОДНОЙ ЯЗЫК

С годами точно мы узнали:
Как ни таись,
А в свой черед
Для всех отстроченных признаний
Нужда и время настает.
Пора и мне очистить душу,
Сказать, что — воле вопреки —
Недопустимо долго слушал
И я чужие языки.
Еще беды не замечая,
Служил им рьяней и верней,
И все улавливал звучанья
И добирался до корней.
А свой язык
Опять в сторонке,
Вдали от шума и похвал,
В неприхотливой одежонке,
Как бедный родственник, стоял.
Он словно знал,
Что будет время,
Когда наскучит баловство, —
Заговорит благое семя
И снова вспомнят про него,
Про свой язык, что в лихолетье
Сквозь всю разруху и разброд
Один придет,
Один приветит,
Один утешит и спасет.

НАСЛЕДНИК

Всерьез озабочен,
Один на один,
О чем-то лопочет
Единственный сын.
«Серебряный ларчик»,
«Трава-мурава...»
Какие мой мальчик
Находит слова!
Боюсь не огласки,
Пугаюсь прикрас:
Рассказывать сказки
Я не был горазд.
Но раннюю душу
Я не омрачил:
Их помнить,
Их слушать,
Им верить учил.
Бесчинствует время,
Свирепствует зло...
Но доброе семя
Уже проросло!
И можно,
Не старясь,
Закончить пути:
И сладко растаять,
И тихо уйти.
Конечно, не праздник...
Но все же

Под снег
Уйти без боязни,
Поскольку навек
Завещано сыну
Любить и беречь
И мать-Россию,
И русскую речь.

* * *

Уехал от знакомых и друзей
И рад,
 что из игры надолго вышел,
Что ветхий сеновал с дырявой крышей
Укрыл меня от сутолоки всей.
Вот полоса счастливая в судьбе!
Как раз пора дождей и бездорожий.
Ничто,
 ничто теперь не потревожит
Моих ночных раздумий о себе.
Достигнута намеченная цель,
Исполнено заветное желанье!

...Но ломится и лезет мирозданье
Сквозь каждую пробину и щель...

* * *

В грязи,
В униженье,
В бесславье
Встречая который апрель,
Лежит в придорожной канаве
Сраженная молнией
Ель.

Но есть и у ней утешенье,
У елки,
Упавшей ничком:
Душа
На сверкающей сцене
Горит и поет
Под смычком.

* * *

Шефствуют студентки над колонней,
Покидают замкнутость квартир,
Девочки,

пока совсем зеленые,
В Пушкина и Байрона влюбленные
И по ним лишь знающие мир.
Как они на встречи собираются,
Как они волнуются всегда!
И уходят,

выутюжив платьица,
По субботам
с книжками

туда,
Где, от шефов скрыв свое отчаянье,
Шумно обступают их кольцом
И попавшие сюда нечаянно,
И кому тюрьма —

родимый дом.
Девушек смущают взгляды долгие,
Ведь одна из них — дитя на вид.
Но она приходит к той,
С наколками,
И о жизни с нею говорит.
Путается девочка в словах еще:
Женщина по возрасту ей мать.
И не назовешь ее товарищем,
И гражданкой тоже не назвать.
Словно изнутри она притушена:

В счастье разуверилась уже...
А девчонка что-то ей из Пушкина
О любви,
О чести,
О душе.
Как бедняжке дома горько плачется.
Но от новых болей и забот
Не уйдет она и не откажется
И сюда еще не раз придет.
Будет спорить,
Убеждать,
Что много ран
Залечило вольное житье.
Бой за человека
будет выигран
И с прямым участием ее.
Солнышки упрятав за ресницами,
Девочка приляжет на часок.
Нынче обязательно приснится ей
На заре
ее любимый сон:
Будто бы вся свежая,
Весенняя
Женщина та,
с полки сняв тома,
С чистыми слезами восхищения
Ей читает Пушкина
Сама.

* * *

Поднавалило снегу за ночь,
Куда ни сунешься —
Завал.

А дворник наш Степан Иваныч
Как будто этого и ждал:
Блаженно руки потирая
И улыбаясь воронью,
Он добывает из сарая
Лопату верную свою.
Добро работушка спорится,
И старый весел оттого,
Что потревоженные птицы
Кричат сердито на него.
Смеется дворник бородатый
И, добрых радуя людей,
Навстречу солнышку
С лопаты
Пускает белых голубей.

* * *

Ничего не понимаю,
Откровенно говоря.
Потянуло будто маем
В середине октября.

Вновь,
Легко касаясь выси
И светясь издалека,
Удивительные мысли
Ходят, словно облака,

Будоражат кровь и тело.
Для таких в любой сезон
Никакого нет предела,
Никаких запретных зон.

Снова в завтра смотрит смело
И, резвясь,
Поет народ:
«Ничего,
Что солнце село,
Утром новое взойдет».

ПРИРОДА

Рябины млели у колодца,
Звенел кузнечиковый луг,
Блаженно ж мурились на солнце
Фиалки юные...

И вдруг

Легла трава,
Взметнулись воды,
Налился гневом небосвод..
Как будто в друг
В душе природы
Произошел переворот.
Но скоро вновь она запела,
С лица сошла бесследно игла:
Мгновенно, видимо, вскипела
И так же быстро отошла.
Не потрясла основ эпохи,
А все ж напомнила о том,
Что с ней бывають шутки плохи
И лучше ладить с ней
Добром.

* * *

О чем стихи?
О том, что ветер
Стих у реки,
А от звезды
Идут лучи,
И пахнут сети
Глубинной свежестью воды.
Что светом ясным и здоровым
Горит глазок у василька,
И, словно дойные коровы,
Идут над лугом облака.
Стихи о том,
Что рвутся почки
И что,
Проклюнувшись едва,
Сквозь все мостки и все мосточки
Полезла первая трава.
О чем
В такое-то столетье?
Да все о том,
Чем счастлив век
И без чего на белом свете
Не мыслит жизни
Человек.

* * *

Запою в любое время года,
Лишь почую нужную волну.
Но оцепеневшая природа
Предвещает сердцу
Тишину.

Я не воздеваю к небу руки,
Не хлещу сельповскую в глуши,
Но не назову тоскливей муки
Этого бесплодия души.

И, моля добра для всякой твари,
Всем дурным прогнозам вопреки,
Свято жду,
Когда в меня ударит
Золотая молния строки.

* * *

Пускай прозвучит и неново,
Не станет открытjem большим,

Но жалко ли
Доброго слова
Для страждущей грешной души...

Тем более,
Веки прищуря,
Мне в слабого бить не с руки:
Я вызнал на собственной шкуре
Убойную силу строки.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

I

Потеряем скоро человека,
В этот мир забредшего шутя.
У законодательного века
Вечно незаконное дитя.
Тридцать с лишком лет как из пеленок,
Он, помимо прочего всего,
Лыс, как пятимесячный ребенок,
Прост, как погремушечка его.
Бродит он по улицам Державы,
Дышит с нами Временем одним,
Уважает все его Уставы,
Но живет, однако,
По своим.
«Как сказал он!
Как опять слукавил!» —
Шепчут про него со всех сторон.
Словно исключение из правил,
Он особым светом озарен.
Только на лице вечерне-зыбком
Проступает резче что ни день
Сквозь его беспечную улыбку
Грозная трагическая тень.
И не видеть мы ее не вправе,
И смотреть нам на нее невмочь,
И бессильны что-нибудь исправить,
И не в силах чем-нибудь помочь.
В нашем мире риска и дерзанья,

Где в чести борьба да уют,
Эти отрешенные созданья,
Как закаты, долго не живут.

II

За окнами мечется вьюга,
Сквозит предрассветная мгла.
Душа одинокого друга
Такой же бездомной была.
И мне потому — не иначе —
Все кажется, если темно,
Что кто-то под тополем плачет
И кто-то скребется в окно.
Не раз ведь походкою зыбкой,
То весел, то слаб и уныл,
Он с тихой и тайной улыбкой
Из вьюги ко мне приходил.
В тепле отогревшись немножко,
Почти не ругая житье,
Метельные песни ее
Играл на разбитой гармошке.
Гудела и выла округа,
Но он вылезал из угла.
И снова холодная вьюга
Его за порогом ждала.
И слышало долго предместье,
Привычно готовясь ко сну,
Как их одинокие песни,
Сближаясь,
Сливались в одну...

III

Милый друг мой,
Прощаясь навеки,
В нашей горькой и смертной судьбе

Всею силой, что есть в человеке,
Я желаю покоя тебе.
Оставаясь покамест на свете,
Я желаю у этих могил
Чистых снов, тишины и бессмертья,
И любви.
Ты ее заслужил.

НАЧЕКУ

Снова намутили,
Наболтали,
Всяческих навешали собак...
Так пожить хотелось
Без баталий,
Да не получается никак.
Поднимаюсь медленно со стула,
Прохожу неспешно вдоль стены,
Чувствуя спиной,
Как ваши дула
Твердо
На меня наведены.
И со всем
Природой данным пылом
Принимаю к действию сигнал:
«Это кто там нас
Российским быдлом
Тихо,
Но старательно назвал?»
Супостаты!
Вы всегда при деле,
Да и нам постыдно забывать:
Мы ведь только внешних
Одолели,
Внутренние
Выжили опять.
Знаю,
Как, мозгами поработав,

Вы в своем коронном
Тайном сне
Нас,
Неисправимых патриотов,
Жарите на медленном огне...
Неспроста,
Боясь разоблачений,
Зря не подставляя головы,
Блоками бетонных изречений
Забаррикадировались вы.
Презираю ваши баррикады,
Выхожу на линию огня.

...Я давно не жду от вас пощады,
Но и вы не ждите от меня...

* * *

Пока звезда не закатилась,
Что озарила наши дни,
Перемени свой гнев на милость,
На милость гнев перемени.

Чтоб, золотые от рожденья,
Улыбкой неба и земли
Над полосую отчужденья
Цветы согласия взошли.

Не закружу распевом бойким,
Швыряя под ноги рубли,
Что унесу тебя на тройке —
На тройке счастья и любви.

Но, зная преданности цену,
Судьбу рассветную твою
И в ситец радости одену,
И хмелем нежности увью.

Признаю все, что делал плохо,
Свои поступки осужу
И до раскаянного вздоха
Гармонь лихую осажу.

Но только, чтобы вновь светилась
Звезда, как в памятные дни,
Перемени свой гнев на милость,
На милость гнев перемени.

* * *

Вот и осыпается малина,
А давно ли, кажется, цвела,
Что-то ты, соседка Катерина,
Никуда не ходишь из села.
Или больно оводы лютуют,
Иль не отпускает дальше мать,
Иль себя, такую налитую,
Ты сама боишься расплескать..
Полно, Катерина Вячеславна,
Там тебе по грудь любой кусток.
Да ведь при опасности-то явной
Я уж поддержку за локоток.
Молодою, что ли, не бывала
И понять твоя не хочет мать,
Что малину возле перевала
Надо тоже вовремя собирать.
Так мелькают,
Так мелькают числа!..
Пахнет лето знойно и остро.
Ой, гляди, чтоб, девка, не прокисло
Налитое медвенью добро.
Тут подать рукою от овина...
Соберись скорее, соберись!
Может, нас
Хоть спелая малина
Натолкнет на правильную мысль...

* * *

Время радости, лунности, струнности...
Я бродил под ветвями тех дней
И чужой не завидовал юности —
Я тогда наслаждался своей.
Той малиной и тою морошкой,
Разогретой на солнце сосной,
Ослепительным платьем горошками,
Что пропахло купавой лесной.
Ах, как пела труба водосточная
И струя трепетала, лиясь.
И какая трава была сочная,
И какая воложная грязь!
Было все, словно речка весенняя.
Догоняй, наклоняйся, лови!
Торопливое время взросления,
Напряженное время любви.
Не стареешь ты и не меняешься,
Словно древний пейзаж на стене.
И чем дальше ты отодвигаешься,
Тем все ближе и ближе ко мне...

* * *

Отгорел и потух лес над темной водой,
Ветер в чашу нагнал холодину.
А давно ли на пару
С корзинкой одной
Мы ходили сюда по малину.
Замыкались за нашей спиной ивняки,
Заливались на ветках синицы,
Мы ладошками пили рассвет из реки
И никак не умели напиться.
Запах тмина и меда стоял на версту,
Рдели яблоки красной погоды.
И сейчас до конца не истаял во рту
Привкус в воду склоненной смороды.
До сих пор и в глазах и в душе торжество.
Словно праздник гуляет повсюду.
Изо всех наших дней
Не забыл ничего
И вовек
Ни о чем
Не забуду.
Но и ты в суете городской не забудь
Вместе с запахом меда и тмина,
Как тогда на твою изумленную грудь
Осыпалась
Лесная
Малина...

* * *

Ушла весна,
Проходит лето.
И жаль до горечи — хоть вой, —
Что золотое время это
Так бедно прожито с тобой.
Хоть по утрам блистали травы
И в небе реяли стрижи,
По берегам росли купавы
И васильки цвели во ржи.
Но под твоим тяжелым взглядом
Из-под надвинутых бровей
Цветы ломались,
Как под градом,
И птицы падали с ветвей.
И я, дышать стараясь, тише,
Терпя упреки и надзор, —
Я так промерз под общей крышей,
Что не оттаю до сих пор.
И, не боясь уже разлуки,
Одно твержу, чтоб дальше жить:
Освободи меня от муки
Тебе лишь верить и служить.
Освободи от страшной доли
Прожить всю жизнь больным с тоски
И не узнать,
Как вольно в поле
И как раздольно
У реки...

* * *

Опять нашла коса на камень,
Вновь искры брызнули в траву.

Но это делалось веками..
Так что ж я
Чуть ли не реву?

А то, что здесь моя прописка —
Не в полутеми вековой,
И тут
Все больно,
Тут
Все близко:
Коса — моя;
А камень — твой...

НА СЕНОКОСЕ

Александрю Романову

Повалили ребята девок —
и ну жать.
Те не знают, чего поделать, —
давай визжать.
Бабы бросили грабли наземь
и галдят,
А потом принялись разом
за ребят:
«Нет ума у вас — ой вы, лешие! —
ни на грош.
Разошлись малолетки тешиться —
не уймешь».
Мужикам против баб —
где же им:
перевес...
Проявили сперва сдержанный
интерес.
Да ребят подзудил дедушка,
хоть и сед:
«Мягче будут! Помять девушку —
не во вред!»
Мужики тогда не просрочили —
благодать!
Принялись молодняк в очередь
направлять:
«Ты похлопай свою соседку —
не омман —

МЕТЕЛЬ

Задористо и весело,
Неслышная досель,
Опять закуролесила
Февральская метель.
Опять закуролесила,
Весь белый свет завесила
И раскрутила месиво
Такое на пути,
Что человеку доброму,
Да выпилось которому,
Так сперворазу до дому
Дорогу не найти.
Он там и тут потычется,
Набродится,
Накличется —
Шумит Ее Величество
Хмельная голова.
И с горя да с отчаянья
Он угодит нечаянно
В избу,
Где розой чайною
Цветет одна вдова.
Ах, и вдовица-вдовушка,
Горячая головушка,
Серебряное горлышко,
Смородиновый взгляд.
Посмотришь —
И туманные

Слова нахлынут странные,
И руки, окаянные,
На месте не лежат.
Вдова от одиночества
Уж стала до того чиста —
Погладить так и хочется
По шейке не спеша.
Ага!..
Пошло,
Запелось,
Мурлыкать захотелось...
Ну, значит, отогрелась
Заблудшая душа.
Давай тогда, друг ласковый,
Пальтушечку натаскивай.
Да не замажься краскою —
Недавно был ремонт.
Теперь помаленечку —
Ступенька за ступенечкой.
Не поскользнься на веничке...
Доправился?
Ну вот!
А дома станут спрашивать —
Так ничего, мол, страшного:
Допили, мол, вчерашнее
С дружкой
На старый хмель.
Мол, выбрались на улочку —
И нас посбила чуточку
Взыгравшая, как дурочка,
Февральская метель.

А быть может, под кров домочадцев,
На порог незабытой избы
Ты вернулась в глуши отлежаться
Перед новым зигзагом судьбы.
Я смотрю на тебя поневоле,
Понимая душой бобыля:
В тех краях,---
Что нашла ты за полем,
Не ровнее, чем наша, земля.
Полежи и засни ненароком,
Я в ногах посижу, помолчу.
Ни острот, ни обид, ни упреков
Я не знаю
И знать не хочу.

* * *

Какая-то прозрачная печаль,
Печаль недолговечности живого,
Она коснется словно невзначай,
Себя не обозначив даже словом.
И я пойду на тайный зов ручья,
Чтоб убедиться в явности рассвета,
В существованье дождика и ветра,
А через них —

и собственного я.

Вновь помолчу,
забыв про бег минут,
Над листьями, оборванными ветром,
И постою у вымахавших кедров,
Которые меня переживут.
И я пойму, быть может, до конца,
Себя окинув с грустью неизменной,
Ничтожность смерти

одного лица

Перед лицом бессмертия Вселенной,
Где век пройдет — но вспыхнут зеленыя,
Мир с наслажденьем повторит основы
С одним лишь упущеньем пустяковым,
Что он забудет повторить
Меня.

* * *

Лунный свет колеблет перья
Облаков, плывущих прочь.
Спят и птицы
И деревья
Там, где их застала ночь.

Звездный ковш
И месяц полный
Чуть не виснут на сосне.
И, о берег тычась, волны
Сладко чмокают во сне.

Тихо-тихо,
Сладко-сладко —
Серебряет со всех сторон —
Словно кот на мягких лапках,
По земле проходит сон.

Только я в своей постели,
Хоть лежу,
Опять не сплю,
Потому что в самом деле
Снова,
Кажется,
Люблю.

Чтоб все разом разрешить
наконец:

«Ты, кудрявая, смотри
не мудри.

Не мудри, а, что внутри,
говори».

И признается, приперта
к стене:

«Без луны и при луне —
не по мне».

* * *

Поборница железного режима,
В который раз внушает мне она,
Что в человеке главная пружина
Должна быть до конца заведена.
Чтоб сердце в буднях с самого начала
Не находило отдыху ни дня.

Ты, милая, с будильником случайно
Опять не перепутала меня?

Уже звенит твоя любая фраза,
Изрублены бегущей стрелкой дни.

Заведена пружина до отказа.
Смотри ж, в азарте не перетяни!

* * *

Всю жизнь мне будет не хватать
Твоих улыбок предвечерних,
Когда спадающая прядь
Скрывает их предназначенье;
И каблучков, что о гранит
Стучат, летя на чей-то вызов,
Необоснованных обид
И неоправданных капризов,
Весенних глаз и плавных рук...
Всего, всего, чем я извелся
И без чего бы твой супруг
Спокойней, право, обошелся.

* * *

В глубокой траурной печали,
В прощальной стылой тишине
Поплачь, поплачь — хотя б вначале, —
Чтоб люди долго вспоминали,
Как убивалась ты по мне.

А дома молча зубы стисни
И окончанье муки спрысни,
Как говорится, — зеленóй,
Впервые вспомнив, как при жизни,
При невозвратной нашей жизни
Ты тяготилась тайно мной.

И вздох нескромный облегченья
И не убитый горем вид
За незлобивость,
За смиренье,
За слезы, за долготерпенье,
За верность —
Бог тебе простит!

Отыщет где-то мальчугана,
Что без родных сюда пришел.
Она разделит с ним ириски,
Побегает вперегонки
И, к башмачкам склонившись низко,
Завяжет бантиком шнурки,
С ним погуляет по дорожке,
А после сядет на траве
И гладит, гладит осторожно
Его по русой голове...

* * *

В доме твоём необогретом
Тоска царит и полумрак.
Еще и лампочка при этом
Не зажигается никак.

А было:

Бликами играя,
Она мигала как живая,
Стараясь до недавних пор
То осветить

с едой простою

Великошумное застолье,
То холостяцкий разговор.
Но вот в какое-то мгновенье
Такой в доме случился вид,
Как будто все в недоуменье
Остановилось

И стоит.

И смотрит, смотрит

до ознобу,

Почти испытывая резь,
На молчаливую особу,
Вдруг появившуюся здесь.
На этот бледно-серый волос
И на бескровность губ сухих...
Все потеряло сразу голос,
На кухне даже кран притих,
И сам ты видел не однажды,
Своей супругой позабыт,

Как за ее движеньем каждым
С простенка зеркало следит.
Зачем же ты внушал невесте,
Смотревшей холодно во тьму,
Мол, согреться нужно

вместе,

Где не согреться одному...

Ведь бесполезно

В самой силе

Опять вчера сгорел рассвет,

И сколько б в доме

ни топили,

Он круглый год

Не обогрет.

В нем было все бы

по-другому,

Трудись во благо и живи.

Но не хватает, видно, дому

Не только дружбы да любви...

* * *

Не буди ты тоску
В присмирившей крови,
Не гляди за реку
И меня не зови.

Над высокой сосной
Затянуло окно.
Мы на праздник лесной
Опоздали давно.

И брусника была,
И черника была —
И черника сплыла,
И брусника сплыла.

Но в душе одинокой
Не тает досель
Озаряющий, легкий
Малиновый хмель.

Зря, головки клоня,
Волновались цветы,
Что в малинник меня
Уводила не ты.

Сквозь полуденный свет
Проступила звезда.

Ни раскаянья нет,
Ни — тем боле — стыда.

Не буди ты тоску
В зазвеневшей крови,
Не гляди за реку
И меня не зови.

Не лукавлю с собой,
Потому и молчу:
Волчьих ягод с тобой
Собирать не хочу...

* * *

Последний раз болело сердце,
Когда, ведя свою игру,
Ты золотое полотенце
Мне подавала поутру.
Оно в руках моих горело,
И сладко верилось в любовь,
Хоть полотенце жгло мне тело
И холодило в жилах кровь.
Как скоро счастье убежало
За новым светом впереди...
Ах, почему я верил жару,
Не верил холоду в груди?
Кто нынче, вспыхивая сердцем,
Себе внушает впопыхах,
Держа в узорах полотенце,
Что держит радугу в руках?
Пусть он с глупостями всеми
Покружит в призрачном дыму,
Пока обманываться время
Еще отпущено ему.
А мне пора с судьбой стерпеться
И не копить пустых обид...
Последний раз болело сердце.
Да и теперь еще болит.

* * *

Любуюсь твоей красотой...
В душе не осталось сомненья,
Что в жизни природы самой
Бывает пора вдохновенья.
Пройдя по морям и лесам
И встретив однажды — поверьте, —
Бродяги
Таким вот глазам
Верны оставались
До смерти.
Пугаясь и жаждая встреч,
Скрывая к счастливчику зависть,
В глуши
Из-за этих вот плеч
Седые поэты спивались.
Не раз из-за ножек таких,
Что словно в тумане белели,
В столичных салонах франтих,
Как пунш, разгорались дуэли.
Но ты еще слишком юна
Для гордости и пониманья,
Как надо
Сквозь все времена
Такое нести достоянье.
Опять, не горя, не любя,
В случайных объятиях млеешь.
О как я жалею тебя,
Когда ты себя
Не жалеешь.

* * *

Уйти бы навсегда, опомниться... отмыться...
Решившись наконец порвать былую связь.
И снова бы в душе
Восторженная птица
Запела,
Зацвела
И в небо поднялась.

Но ты настороже,
И взгляд твой целит метко.
Ты втайне, как к войне,
Готовишься к весне.
Ты любишь птиц, но тех,
Которые на ветках,
Тебя пугает та,
Которая во мне.

А у нее давно
Дыханье на пределе.
Ликуй!
Опять себя

твой метод
оправдал...

Ты знала, чем кормить,
Чтоб крылья тяжелели,
Ты знала, чем поить,
Чтоб голос пропадал.

Ведь свое по земле походивший,
Понял я
 и усвоил навек:
Человек,
Никого не любивший, —
Это жалкий —
Всегда! —
Человек.

ПОСЛЕ БУРИ

Покой вернулся в мир...
А нам
Что остается в утешенье?
Нам,
Двум скрипучим кораблям,
Попавшим в кораблекрушенье...
Не то ль,
Что светлого числа,
Взметнув шутя
Ветра лихие,
Нас чуть не в щепки
Разнесла
И этим сблизила
Стихия?
Теперь
Дорогою одной,
Чужды тщеславия и гонки,
Плывут под солнцем и луной
Великолепные обломки.
И есть торжественная грусть,
А может,
Высшая отрада:
Разбиты пусть,
Убоги пусть,
Не нужны пусть,
А все же — рядом...

И на святую троицу деревьев
Все так же ожидающе смотрю.

Черемуха,
 береза
 и рябина

Шумят,
 шумят,
Тревожа прежний пыл,
О том,
Как ты однажды разлюбила,
А я
Еще большее полюбил...

* * *

Можно все еще вернуть,
Можно все еще уладить.
Только ласково взглянуть,
По головушке погладить.

Но в глазах,
В словах литых
Нет ни боли,
 ни печали:
Мы для нежностей таких
Слишком грамотными стали.

Вдруг да броситься на грудь...
И чего, скажите, ради?
Вдруг да ласково взглянуть,
По головушке погладить...

* * *

Тоска по любви,
По чистой любви,
Ты вечно в крови.
Ты вечно в крови.

Она как роса,
Такая любовь:
То высохнет вдруг,
То выпадет вновь.

Воюет ли, рушит,
Строит ли век —
Но вечно по ней
В тоске человек.

Чем годы быстрее
Относит в века,
Тем горше, больней
И резче тоска.

Кончается ночь,
Является свет,
А вечной любви
Все нет и все нет.

Кого мне молить,
К кому мне взывать,
Куда мне свою
Тоску надевать?

Опять напряглась
Вечерняя тишь:
Уж так ты меня
Глазами сверлишь.

Мол, снова они,
Ажурные сны?
Мол, мало тебе
Законной жены?

Не мало, не мало, —
Что ты, дружок?
Боюсь,
Лишковато даже чуток.

Все славно, в порядке, в норме...
А все ж
Опять не о том ты
Речи ведешь.

Опять не о том
Болят голова,
И жалки, пусты
И глупы слова.

Себя не трави,
Меня не гневи,
А лучше пойми
Тоску по любви...

* * *

Как память бедная ни ищет —
Нет ничего в моей судьбе
Светлей, печальнее и чище
Воспоминаний о тебе.
Ведь в нас души тогда не чаяла
Послевоенная страна,
Хоть наша юность
До отчаянья
Была событиями
Бедна.
Разбитый тракт,
Трофейный «виллис»,
Сквозняк в цехах,
И в поле — тля...
А мы богаче становились,
Ту бедность
С Родиной деля.
И потому в душе скопилось
Добро и радость,
А не злость.
И ничего не позабылось.
И ничего не растряслось.
А в буреломах лжи и фальши,
Нас окликаая вновь и вновь,
Не стали меньше или дальше
Ни юность наша,
Ни любовь.

* * *

В пронизанных влагой потемках
Мерцает оттаявший пруд.
А девочка шепчет о том, как
Над озером сосны цветут.
Над озером,
Где по соседству
И школа,
И летняя часть,
Где только закончилось детство —
И юность уже началась.
Пусть я похожу на младенца,
Внимая ее забвению.
Но только горячее сердце
Так Родину видит свою,
Чтоб в синей языческой рани,
В далекой весенней дали
Не розы,
Не в окнах герани —
А сосны
Родные
Цвели!

* * *

С Отчизной, с милою землей,
Мне никогда не рассчитаться
За радость быть самим собой,
За счастье плакать и смеяться.
За то, что утром
Для меня
И тяжело,
И краснокрыло
В косматых сполохах огня
Восходит древнее Ярило.
А в полдень — светлая пока, —
Чтоб стало душеньке полегче,
Освобожденная река
Мои окатывает плечи.
Не рассчитаться мне за то,
Что в теплом сумраке вечернем
Глубоким светом
Залито
Мое случайное ночевье;
За землю нашу испокон,
За откликающийся воздух,
За молодой и сильный сон,
Весь в голубых
И крупных звездах;
За шум осоки у пруда,
За шелест утреннего сада...
Не рассчитаться никогда.
Хотя рассчитывать
Надо...

* * *

По лесам и по горам,
По снегам и росам,
По оставшимся борам
И былым покосам
С полным коробом волнух
И глазами впросинь
Ходит-бродит русский дуж
Меж берез и сосен.

Он приветствует восход.
Добрую погоду.
Золотых цветов не мнет
И не мутит воду.
Лишь аукнется вдали
Да в листве взиграет.
Видно, снова от земли
Силу набирает.

И опять летят в веках,
Яростны в погоне,
Молодые,
В яблоках,
Боевые кони.
Замечает белый снег
Под копыта сбитых.

Не спускает Русь вовек
Недругам обиды.

А потом
На весь простор,
Собирая силы,
Крячет плотницкий топор,
Подпевают пилы,
И жужжит ручная дрель —
Тоже тянет ноту...

Может
Русская артель
Всякую работу!

И потом уже,
Потом,
Покурив в усладу,
Забираются гуртом
Мастера в ограду.
Стекла в избах дребезжат,
Лист на ветках вянет...

Это пять часов подряд
Парятся славяне.

И сегодня в пору нам
Бремя древней славы.
Понесутся по волнам
Струги величавы,
И распустится хвоя,
Прянув к поднебесью...
Только родина моя
Так украсит песню.

Затрещит на речке лед,
Заскрипят сушины,
Шапка снегу упадет
С кедровой вершины.
Покачнутся терема,

Засвистят салазки...
Это русская зима
Складывает сказки.

Право слово, не берусь
Ложкой черпать море.
Но люблю родную Русь
В радости и в горе.
И понять непросто мне:
Как же так бывало —
Все святое
В стороне
От тебя стояло.

Не порхали снегири,
Даль не золотилась...

И судьбу благодари,
Что явила милость,
Что однажды
Так светло
И с такою силой
Это все в тебя вошло
И —
Преобразило!

* * *

Мы — не на уровне задачи,
Когда, пуская легкий дым,
В кругу
О Родине судачим:
Шумим!
Корим!
Боготворим!

Да, путь ее и многотруден,
И объясним не всякий раз...
Но Русь была,
И есть,
И будет
До нас,
При нас
И после нас.

* * *

В годину бурь
И тяжкого раздора,
В лихие дни
Глухого забытья
Ты мне одна
И вера и опора,
Земля неотторжимая моя.
Согнет недуг,
Навалится усталость,
Уйдут друзья,
Опять пересоля, —
Я помню:
У меня еще осталась
Родимая
Любимая земля.
Она утешит —
я же здесь родился,
Она поймет —
как ни был бы я мал,
Как высоко бы я ни возносился
И как бы низко после ни упал.
И потому под зноем и снегами,
На доброй почве
Правя бытие,
Хочу всегда
Обеими ногами
Стоять на ней
И чувствовать ее.

СОДЕРЖАНИЕ

Земная душа. <i>С. Куняев</i>	3
Братские могилы	9
«Счастлив я в своем добре и худе...»	10
«Ну что, казалось бы, такого...»	11
«Со всех встречавшихся широт...»	12
«Затосковал по малой родине...»	13
Родное	15
«Прекрасно однажды в России родиться...»	16
«Нет у меня иного счастья...»	17
«Какая даль лежала предо мной...»	19
«По воде, по кочкам...»	20
«Музыка льется с небес...»	22
Русь	23
Тропа	25
«День был красный...»	27
Василек	30
«Россия, белая от снега...»	31
Матери	32
«Пятками прошлепаю босыми...»	34
«Вот и снова я в родной стихии...»	37
«Я булыжную осень оставил...»	39
«Дорога пройдет за деревней...»	41
«Хорошая жизнь у старухи...»	45
«Тетя Маня не смогла поучиться...»	47
«Под горой стоит домок...»	49
Петух	51
Март	53
Цветы, цветы...	54

«Лишь петухи стряхнули сон...»	55
«Я ночевал под старым виноградом...»	56
Зной	58
«Ветер над водой рванул...»	59
«Всю ночь горел огонь...»	60
«Пролетела буря над полями...»	61
«Трудно дышится в этом доме...»	62
«Не вдруг и не сразу поймется...»	63
«В газете хвалят сенокосы...»	64
Осенний гул	65
«В рюкзаках — ни крошки...»	66
«Представлю тихую деревню...»	69
«Шумит, наливается поле...»	71
«Через село идет дорога...»	72
Хлеб	73
«Пади да болота...»	74
«Раздетый лес шумит неподалеку...»	76
«Сентябрь уже не за горами...»	78
«Кончилось время свободы...»	79
«Доверчивым сердцем славянским...»	81
«В густой траве речной излуки...»	82
Конь	83
«Все встало на свои места...»	84
Пурга	85
«Не возведу напрасную хулу...»	86
«И снова в лесу как в светлице...»	87
«Какое все-таки блаженство...»	88
«К берегу жметя осока...»	90
«И льет, и льет...»	91
«О, сколько в солнышке лукавства!..»	93
«Ну вот она пришла...»	95
Незабытое	96
Освобожденье	97
Старики	99
«Отцвел анис на ближней горке...»	102
Жребий	103
По Енисею	104

Высокие слова	106
Ученья	107
«Мы моем пол и помним о порядке...»	108
«Такое катилось над горкой...»	110
Снег	111
«Ах, скорый поезд, скорый поезд...»	113
«Было чувство тревожным и сильным...»	115
«Дыхание сбивается опять...»	117
«Ухожу в былые времена...»	118
«Под небом полярным...»	120
Накануне праздника Победы	122
После войны	124
Последние сапоги	126
Окраина	128
«Еще не подали вагоны...»	129
«Ее детей убили на войне...»	131
«По старой памяти и дружбе...»	133
«Больше не участвую в парадах...»	135
«Матери рожают не солдат...»	138
«Спасибо, Родина, за эту...»	140
«Худо сплю и замечаю...»	141
Ночное письмо Вадиму Кузнецову	142
«Распеваю беспечные песни...»	144
«Какая злоба или зависть...»	145
«В поздних сумерках зимнего дня...»	146
«Тихий вечер, медленный закат...»	147
«Зови меня к себе, зови...»	148
Я домой погостить	150
Недоростки	152
«Немного надо человеку...»	154
«Нередко взмывая с размаху...»	155
«Ничего не требую от бога...»	156
«Третий гудок подал пароход...»	158
Чаша	159
«Не успел вернуться от реки...»	160
«Замечаю давно за собой...»	161
«Наконец я пришел к тишине...»	163

«Ничего не приходит на память...»	164
«Не поминаю о летах...»	165
«И снова во мраке осеннем...»	166
«Это вроде самоистязанья...»	167
Молитва веков	168
Говоруны	169
«Курицы пытаются летать...»	170
«Костер, в котором мы горим...»	171
«Мечется душа туда-сюда...»	172
«Дожди не гремят по железу...»	173
«Мокрый клен освещала луна...»	174
«В лесу, как в хорошем доме...»	175
«Не оглянусь, когда в наплывах света...»	176
«Вновь у меня кружится голова...»	177
Косач	178
Гроза	179
Сознание	180
«Нет, видно, надо умереть...»	181
Заклинанье	182
В Домском соборе	183
«Пришли опять такие дни...»	185
«Надежды падают, как звезды...»	186
«Опять подули северные ветры...»	187
Благодарность	188
«Мои долги подсчитывал собрат...»	190
В музее	191
«Река работала, как лошадь...»	192
Деревья	193
«О, если б мы, добры и чутки...»	194
«Откуда сразу столько света...»	195
«Я не заживусь на этом свете...»	196
«Может, годы мои на исходе...»	198
Волки	199
«Была беспокойная ночь...»	201
«Худо мне и дышится и спится...»	202
Бессмертие	204
«Ревет бульдозер...»	205

Последний путь	206
Гонка	207
Качество	209
«Столбом стоит и пыль и дым!..»	211
«В дни покоя и годы труда...»	213
«Уже горит звезда над перекатом...»	214
«Погляжу в окно...»	216
«Не найду я защитного средства...»	218
«В июльской ночи есть своя печаль...»	220
«Роса лежит на озими...»	221
«На громовом аэродроме...»	222
Праздник на Печоре	224
«Еще в волнах...»	226
«Эх, бывало, собирался я скоро...»	229
Родной язык	231
Наследник	232
«Уехал от знакомых и друзей...»	234
«В грязи, в униженье, в бесславье...»	235
«Шефствуют студентки над колонией...»	236
«Поднавалило снегу за ночь...»	238
«Ничего не понимаю...»	239
Природа	240
«О чем стихи? О том, что ветер...»	241
«Запою в любое время года...»	242
«Пускай прозвучит и неново...»	243
Памяти Николая Рубцова	244
Начеку	247
«Пока звезда не закатилась...»	249
«Вот и осыпается малина...»	250
«Время радости, лунности, струнности...»	251
«Отгорел и потух...»	252
«Тихо расстаемся у вокзала...»	253
«Опять без вкуса съедена крошка...»	254
«Ушла весна...»	255
«Опять нашла коса на камень...»	256
На сенокосе	257
Метель	259

«Появилась без шума и вести...»	261
«Какая-то прозрачная печаль...»	263
«Лунный свет колеблет перья...»	264
Добился	265
«Поборница железного режима...»	267
Примирение	268
«Всю жизнь мне будет не хватать...»	269
«В глубокой траурной печали...»	270
«На первый взгляд — других не хуже...»	271
«В доме твоём небогретом...»	273
«Не буди ты тоску...»	275
«Последний раз болело сердце...»	277
«Любуюсь твоей красотой...»	278
«Уйти бы навсегда...»	279
«Не сбылось, не сплелось...»	280
После бури	282
«Черемуха, береза и рябина...»	283
«Можно все еще вернуть...»	285
«Тоска по любви...»	286
«Как память бедная ни ищет...»	288
«В пронизанных влагой потемках...»	289
«С Отчизной, с милою землей...»	291
«По лесам и по горам...»	292
«Мы — не на уровне задачи...»	295
«В годину бурь и тяжкого раздора...»	296